

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра теоретического и славянского языкознания

САМУСЕВИЧ
Ольга Александровна

ФЕМИНИТИВЫ:
СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАЦКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ)

Дипломная работа

Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
доцент Козловская Людмила
Аркадьевна

Допущена к защите

«__» _____ 2021 г.

Зав. кафедрой теоретического и славянского языкознания
кандидат филологических наук, доцент Л. А. Козловская

Минск, 2021

Оглавление

Перечень условных обозначений	3
ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА 1 ФЕМИНИТИВЫ КАК СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ	10
1. Понятие «gender» в лингвистике	10
1.1 Биологический детерменизм.....	10
1.2 Переходный период	11
1.3 Собственно гендерные исследования	13
2. Различия понятий «sexus» и «gender»	15
ГЛАВА 2 ФЕМИНИТИВЫ В СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКЕ	19
1. Феминитивные словообразовательные единицы словацкого языка	20
2. Особенности функционирования феминитивов в словацком языке	25
ГЛАВА 3 ФЕМИНИТИВЫ В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ	39
1. Функционирование феминитивов в польском языке в 1900–1930 гг.....	40
1.1 Феминистические журналы Польши XX в.....	46
1.2 Функционирование феминитивов в польском языке в 1930-х – 1960-х гг. XX в.	49
2. Феминитивные словообразовательные единицы польского языка. Функционирование феминитивов в польском языке в конце XX в. – нач. XXI в.	53
Заключение	58
Список использованных источников	61
Приложения	63

Перечень условных обозначений

СПЯ – словарь польского языка [24];

С-РЯ – словацко-русский словарь [28];

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка [25];

* (звёздочка) – символ, свидетельствующий о последующей за ним грамматически неверной форме слова/синтаксической конструкции (т.е., отсутствующей в используемых словарях).

РЕФЕРАТ

Ольга Александровна Самусевич

Феминитивы: структура, семантика, функционирование (на материале словацкого и польского языков)

Объем дипломной работы: 53 страницы, 32 использованных источника.

Ключевые слова: феминитивы, маскулитивы, феминитивизация, маскулитивизация, феминитивные словообразовательные единицы, (гендерно-) корректный, симметричный язык.

Предмет исследования: современные словацкий и польский языки.

Объект исследования: структура, семантика и функционирование феминитивов в словацком и польском языках.

Цель работы: исследовать семантику, структуру и функционирование феминитивов в словацком и польском языках.

Методы исследования: лингвистическое наблюдение; историческая интерпретация; историко-сравнительный метод; социокультурный подход; метод случайного выбора; синтез; индуктивный метод; словообразовательный анализ.

Актуальность данного исследования обусловлена неугасающим интересом общества к вопросам употребления феминитивов – лингвистической составляющей широко распространенного движения феминизма, являющегося на сегодняшний день одним из наиболее прогрессивных и популярных в мире.

В теоретической части работы содержится исследование феминитивов как социолингвистического явления, особое внимание уделено функции «отражения» социальной жизни общества. В практической части работы содержатся результаты лингвистического наблюдения, посредством которого были исследованы материалы, относящиеся к тематике феминитивов, найденные в лингвистических журналах и учебных изданиях разных лет, а также в Интернете.

В результате исследования было рассмотрено функционирование феминитивов в современном словако- и польскоязычном обществе, а также обозначены феминитивные словообразовательные единицы польского и словацкого языков.

РЭФЕРАТ

Вольга Аляксандраўна Самусевіч

Фемінітывы: структура, семантыка, функцыянаванне (на матэрыяле славацкай і польскай моў)

Аб'ём працы: 53 старонкі, 32 выкарыстаных крыніцы.

Ключавыя словы: фемінітывы, маскулінітывы, семінітывізацыя, маскулінітывізацыя, феінітывыя словаўтваральныя адзінкі, (гендэрна-)карэктная, сіметрычная мова.

Прадмет даследавання: сучасныя славацкая і польская мовы.

Аб'ект даследавання: структура, семантыка і функцыянаванне фемінітываў ў славацкай і польскай мовах.

Мэта працы: даследаваць фемінітывы як сацыялінгвістычную з'яву ў славацкай і польскай мовах.

Метады даследавання: лінгвістычнае назіранне; гістарычная інтэрпрэтацыя; гісторыка-параўнальны метады; сацыякультурны падыход; метады выпадковага выбару; сінтэз; індуктыўны метады; словаўтваральны аналіз.

Аktуальнасць дадзенага даследавання абумоўлена нягаслай цікавасцю грамадства да пытанняў ужывання фемінітываў – лінгвістычнага складніка шырока распаўсюджанага руху фемінізму, які з'яўляецца на сённяшні дзень адным з найбольш прагрэсіўных і папулярных у свеце.

У тэарэтычнай частцы работы утрымліваецца даследаванне фемінітываў як сацыялінгвістычнай з'явы, асабліва ўвага нададзена функцыі «адлюстравання» сацыяльнага жыцця грамадства. У практычнай частцы работы ўтрымліваюцца вынікі лінгвістычнага назірання, з дапамогай якога былі даследаваны матэрыялы, якія адносяцца да тэматыкі фемінітываў, знойдзеныя ў лінгвістычных часопісах і вучэбных выданнях розных гадоў, а таксама ў Інтэрнэце.

У **выніку** даследавання было разгледжана функцыянаванне фемінітываў ў сучасным славака- і польскамоўным грамадстве, а таксама пазначаныя фемінітывыя словаўтваральныя адзінкі польскай і славацкай моў.

ABSTRACT

Volha Samusevich

Feminitives: structure, semantics, functioning (based on the material of the Slovak and Polish languages)

Goal of the work: to study of feminitives as a sociolinguistic phenomenon in the Slovak and Polish languages.

Scope: 53 p., the list of the used sources – 32 sources.

Keywords: feminitives, masculinitives, feminitivization, masculinitivization, feminitive derivational units, (gender-) correct, symmetric language.

Object of research: structure, semantics and functioning of feminitives in the Slovak and Polish languages.

Subject of research: modern Slovak and Polish languages. Purpose of the work: to investigate the semantics, structure and functioning of feminitives in the Slovak and Polish languages.

Research methods: linguistic observation; historical interpretation; historical and comparative method; sociocultural approach; random selection method; synthesis; inductive method; word-formation analysis.

The relevance of the research is due to the unquenchable interest of society in the use of feminitives – the linguistic component of the widespread movement of feminism, which is currently one of the most progressive and popular in the world.

The theoretical part of the work contains a study of feminitives as a sociolinguistic phenomenon, special attention is paid to the function of "reflection" of the social life of society. The practical part of the work contains the results of linguistic observation, through which materials related to the topic of feminitives were studied in linguistic journals and educational publications of different years and on the Internet. In the course of the work, a historical interpretation was also carried out: the feminitives were considered through the prism of the history of their appearance and functioning in the Slovak- and Polish-speaking society.

As a **result** of the study, the functioning of feminitives in the modern Slovak and Polish-speaking society was examined, and the feminitive derivational units of the Polish and Slovak languages were also designated.

ВВЕДЕНИЕ

Феминизм – совокупность политических, культурных и социальных движений, направленных на достижение равенства полов во всех сферах жизнедеятельности. **Феминитивы**, рассматриваемые в данной работе – лингвистическая составляющая феминизма.

Феминитивы – это слова женского рода, альтернативные или парные аналогичным понятиям мужского рода.

Феминитивизация – использование в словах суффиксов женского рода.

Маскулинитивы – названия лиц мужского пола.

Маскулинитивизация – использование в словах суффиксов мужского рода.

Чаще всего феминитивы используются для обозначения:

1. Принадлежности к определённому этносу: *француженка, англичанка, украинка* и т.д.;

2. Принадлежности к определённой географической территории: *минчанка, полочанка, харьковчанка, москвичка* и т.д.;

3. Профессий, должностей: *учительница, продавщица, актриса, певица* и т.д.;

4. Званий, титулов: *княгиня, царица, крестьянка, барыня* и т.д.

Целью данной работы является исследование номинаций женского рода: функционирование и роль феминитивов в современном словацком и польском лингвистическом пространствах, а также определение феминитивных суффиксов рассматриваемых языков и определение значений каждого из них.

Для достижения вышеуказанных целей были поставлены следующие **задачи**:

1) определение понятий феминитивов и маскулинитивов, а также феминитивизации и маскулинитивизации соответственно;

2) описание функционирования феминитивов на протяжении истории развития исследуемых языков: их появление, частота употребления в речи и значение отражения социальной жизни;

3) определение основных феминитивных суффиксов и их классификация на основании их семантических характеристик.

Материалами исследования феминитивов в словацком языке послужили исследования коллектива словацких лингвисток (Яна Цвигова, Юлия Врableва, Яна Юранева, Зузана Мадьярова и др.) в рамках проекта «Социолингвистическое исследование и руководство гендерно-чувствительного языка национального проекта Институт полового равенства» [5], [6]; в польском языке – лингвистические газеты „Poradnik Językowy” ‘Языковой советник’ [1], [2] и „Język Polski” ‘Польский язык’ [11],

феминистические газеты „Ewa” ‘Ева’ [7], „Głos Kobiet” ‘Голос женщин’ [9], „Kobieta Współczesna” ‘Современная женщина’ [14], Nowe Słowo ‘Новое слово’ [18], пособие „Kultura języka polskiego” ‘Культура польского языка’ 1982 г. [3] и статья Зенона Клеменевича «Титулы и названия профессий женщин в свете теории и практики» 1957 года [13]. Также материалами исследования феминитивов в обоих языках стали статьи с различных Интернет-ресурсов [4], [12], [17], [19], [20], [21], [22], [23]. В результате анализа данных источников были составлены словацко-русский и польско-русский феминитивный словари (см. приложение), содержащий 58 единиц – для словацкого языка, и 150 – для польского.

Для достижения поставленных задач были использованы следующие **методы**: лингвистическое наблюдение; историческая интерпретация; историко-сравнительный метод; социокультурный подход; метод случайного выбора; синтез; индуктивный метод; словообразовательный анализ.

Данная дипломная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и приложения. Главы, в свою очередь, включают в себя разделы и подразделы. В первой главе рассмотрены феминитивы как социолингвистическое явление: их функционирование и роль «зеркала» в социально-историческом развитии общества.

Во второй и третьей главах исследовано функционирование феминитивов в словацком и польском языках. В указанных главах также обозначены феминитивные словообразовательные единицы каждого из языков.

Основа исследовательской работы составила 53 страницы.

Переводы материалов с польского языка выполнены автором данной дипломной работы при помощи Большого толкового словаря польского языка под ред. П. Жмигродского [24], со словацкого – при помощи Словацко-русского языка Д. Коллара [28]; также для перевода с обоих языков использовался Большой толковый словарь русского языка С. А. Кузнецова [25]. Ввиду специфики тематики данной дипломной работы эквивалентный перевод некоторых лексем или лексических сочетаний с польского и словацкого языков на русский в некоторых случаях не представлялся возможным по причине наличия в том или ином языке некоторой словоформы, и её отсутствия – в другом. В данной работе считаются нормативными только те слова, словоформы которых фиксируются в указанных выше словарях, отсутствующие же рассматриваются как окказиональные. Там, где это представляется возможным, феминитивы переведены эквивалентными им словарно закреплёнными феминитивами другого языка, напр., *nauczycielka* ‘учительница’. Если в обозначенных словарях присутствует иная форма феминитива, она указана в скобках. Если переводимое слово отсутствует в одном или обоих словарях, оно обозначается символом * (звёздочка),

свидетельствующем о последующей за ней грамматически неверной форме лексемы / лексического сочетания, а перевод осуществлен посредством авторского неологизма (окказионализма). Такой перевод имеет следующий вид: **psycholożka* ‘*психоложка’, а начальные формы этих окказионализмов указаны в примечаниях. Если образование окказионализма невозможно в силу фонетических/лексических или иных словообразовательных ограничений, перевод имеет следующий вид: *kowalka* ‘«кузнец» в ф. ж. р.’ (*kowalka* ‘«кузнец» в форме женского рода’).

ГЛАВА 1 ФЕМИНИТИВЫ КАК СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

1. Понятие «gender» в лингвистике

Феминитивы – это слова, обозначающие женщин какой-либо профессии, национальности, должности и т.д. Феминитивы и маскулитивы являются собой объект исследований сравнительно нового направления в языкознании – гендерной лингвистики.

Различия в поведении, общении, привычках и социализации женщин и мужчин в целом иногда описывались в научных работах XX в., однако лишь в постмодернистский период в научном сообществе возникла идея дифференциации биологического и социального полов.

Следует обратить внимание на то, что взаимосвязь биологического и социального пола человека с языком уже давно была замечена многими исследователями, а изучение гендера в лингвистике принято подразделять на два периода, рубежом которых являются 1960-е гг.:

1) биологический детерминизм – спорадические (и не связанные со смежными науками) исследования, которые основываются главным образом на наблюдениях разрозненных фактов;

2) собственно гендерные исследования – широкомасштабные исследования, получившие распространение в 60-х гг. XX ст., появление которых было обусловлено ростом интереса к прагматическому аспекту языкознания, развитием социолингвистики и существенными изменениями в традиционном распределении мужских и женских ролей в обществе, позволившими увидеть лингвистические факты в новом свете и по-новому интерпретировать их.

Исследовательница В. А. Кириллова выделяет ещё один период – переходный, продолжавшийся примерно с начала до 50-х гг. XX ст. Во время этого периода возникли многочисленные аргументы, позволившие исследователям усомниться в исключительно биологическом характере полового диморфизма и приведшие, как итог, к появлению дифференциации между социальным и биологическим полом человека [27, с. 24].

1.1 Биологический детерминизм

Биологический род как фактор, напрямую влияющий на род грамматический, впервые начал осмысливаться ещё в античные времена. На протяжении долгого времени в лингвистике господствовала символично-семантическая гипотеза о причинах появления и функционировании в языке категории рода. Данная гипотеза основывалась на соотнесении грамматического и биологического полов. Мыслители, придерживающиеся этой гипотезы, среди которых были такие известные лингвисты как Гердер, Гримм, Гумбольдт, считали, что грамматический род как категория возник на основании известной биологической данности – принадлежности каждого

человека к женскому либо мужскому полу. Сторонники символично-семантической гипотезы придерживались того мнения, что природный и грамматический пол неразрывно связаны.

А. В. Кириллова в своей монографии, посвященной лингвистическим аспектам гендерологии, отмечает, что последователи символично-семантической гипотезы объясняли экстралингвистическую мотивированность категории рода, зачастую опираясь на свой внеязыковой опыт: так, именам мужского рода приписывалась семантика силы, энергии, активности; именам женского – пассивности, подчинения. Удар по символично-семантической гипотезе нанес факт существования языков, характеризующихся отсутствием грамматического рода.

Со временем данная гипотеза объяснения категории рода в языке была вытеснена морфологической и синтаксической гипотезами, однако неизменным оставалось признание того, что категория рода всё же может влиять на восприятие слов и понятий носителями языка. Так, персонификация приписывает объектам, обозначаемым словами женского рода, свойства лиц женского пола, а объектам среднего и мужского рода - свойства лиц мужского пола. По данным Р. Якобсона русские представляют себе дни недели в соответствии с родом слова. Грех в немецком сознании ассоциируется с женщиной [24, с. 231].

Одним из важнейших этапов изучения категории рода в языке стало открытие в XVII в. первобытных языков, в которых существовала дифференциация женской и мужской версии одного и того же языка, а в отдельных случаях даже имели место обособленные для мужчин и женщин языки. Описания данного явления появляются с 1664 года, однако систематических исследований таких языков не проводилось. Общим для всех немногочисленных описаний является то, что мужской язык рассматривался как основная форма языка, а женский – как отклонение от него. Потому в подобных описаниях в основном рассматривалась именно женская версия, являющаяся отклонением от нормы. Интересно, что даже в статье ЛЭС 1990 г. «Женский язык» рассматривается подобная точка зрения: согласно статье, в некоторых языках женщины имеют лексические и иные ограничения в речи на основании их половой принадлежности [29].

Таким образом, исследования гендерного фактора в период биологического детерминизма в большинстве случаев носили описательный характер и имели биологический подход к изучению языков. Исходной позицией исследователей были как бы predetermined природой различия в когнитивных и в целом в интеллектуальных способностях мужчин и женщин. Соотношение пола, образования, культуры, возраста не рассматривалось. Природная обусловленность стала исходным пунктом интерпретации признаков полового диморфизма в языке и речи.

1.2 Переходный период

К началу XX в. научное сообщество уже располагало большим количеством описаний «экзотических» языков, в которых наблюдалось разделение на

мужской и женский варианты или даже обособленные мужские и женские языки. Исследования гендера в языке и речи стали носить несколько иной характер: некоторые ученые-лингвисты при описании речи мужчин и женщин руководствовались не только как бы заранее predetermined различиями между представителями разных полов, а стали обосновывать гендерные различия в языке социальными и историческими причинами.

Так, к примеру, исследователь-лингвист Маутнер в своем труде 1913 года, посвященном критике языка, описывает ряд отличий между речью мужчин и женщин, выявленных им посредством анализа коммуникации в различных социальных слоях общества. Маутнер отмечает, что в среде фабричных рабочих лексика, имеющую ненормативные формы речевого выражения, употребляли в основном мужчины; женщины же прибегали к её использованию крайне редко. В высшем обществе, согласно Маутнеру, мужчины нередко использовали эвфемизмы, однако лишь до тех пор, пока она не утрачивали своей двусмысленности.

В обозначенной работе Маутнер придерживается того мнения, что женщины менее образованы, а потому стремятся наполнить свою речь заимствованиями из иных языков, в то время как образованные мужчины к иностранным словам прибегают редко, будучи в состоянии найти им эквиваленты в родном языке. Маутнер, опираясь на теорию биологического детерминизма, отмечает, что в среде фабричных рабочих лексика, имеющую ненормативные формы речевого выражения, употребляли в основном мужчины; женщины же прибегали к её использованию крайне редко. В высшем обществе, согласно Маутнеру, мужчины нередко использовали эвфемизмы, однако лишь до тех пор, пока она не утрачивали своей двусмысленности [16].

Отличия между речью мужчин и женщин нашли свое отражение и в труде другого лингвиста первой четверти XX века: Отто Есперсен, написавший в 1922 году фундаментальный труд о проблемах развития языка и истории языкознания, посвятил целую главу особенностям женской языковой компетенции. В области используемой женщинами и мужчинами лексики Есперсен отмечает преобладание дисфемизмов и ненормативной лексики в речи последних; различия в мужской и женской речи лингвист находит также на уровне синтаксиса: по Есперсену, женщины склонны к употреблению эллиптических конструкций и паратаксиса, мужчины – к периодам и гипотаксису. Опираясь на выявленные им различия в синтаксисе мужчин и женщин, Есперсен делает вывод об умственном превосходстве мужчин, чем объясняет и следующее свое наблюдение: в сообществе эмигрантов, где сосуществуют новый и родной язык людей, переехавших на новое место жительства, женщины новый язык усваивают медленнее, а иногда и вовсе

остаются монолингвальными, мужчинам же изучение нового для них языка даётся намного легче [10].

В целом, вышеописанные периоды изучения гендерного фактора в языке характеризуются следующими особенностями:

находились на периферии лингвистики;

носили нерегулярный характер;

в ходе описания различий в речи мужчин и женщин сложилась концепция «ущербности» «женского» языка перед «мужским».

1.3 Собственно гендерные исследования

Во второй половине XX века гендерные исследования получили значительное распространение в сравнении с предыдущими десятилетиями, что объяснялось как изменениями в научной парадигме (в 60-х – 70-х гг. XX в. происходил переход от структурализма к прагматике), так и изменениями в социальной жизни общества, в частности – формирование постмодернистской теории познания и распространение идей феминизма.

Именно в этот период в лингвистике появилось несколько лингвистических направлений, которые различались по концептуальным установкам, методам исследования и характеру изучаемого материала. Следует, однако, отметить, что данные направления имели множество точек соприкосновения, а потому их дифференциация носит в некоторой мере условный характер. Таким образом, выделяются следующие направления:

1. лингвокультурологические исследования, включая гипотезу гендерных субкультур¹;

2. собственно гендерные исследования, изучающие оба пола;

3. социолингвистические гендерные исследования;

4. феминистская лингвистика;

5. исследование маскулинности (men's studies) (Theory and Society, 1993; Erhart, Herrmann, 1997) – наиболее новое направление, возникшее в начале 90-х гг.;

6. психолингвистическое изучение пола, смыкающееся в последнее время с нейролингвистикой (сюда же относится биодетерменизм, а также исследование детской речи [27, с.26].

В указанных направлениях с разных точек зрения изучаются два широких спектра проблем, в рамках которых, в свою очередь, рассматриваются и иные вопросы:

1. язык и значение гендерного фактора в нем (различия в использовании мужчинами и женщинами системы номинаций, синтаксиса, лексикона и др.).

¹ Согласно данной гипотезе, гендерные различия рассматриваются по аналогии с культурными, осложняющими межкультурную коммуникацию (прим. О.С.).

номинативную систему, лексикон, синтаксис, категорию рода и ряд сходных объектов. Целью такого подхода является описание и объяснение того, как отражается в языке наличие представителей разных полов, какие оценки приписываются мужчинам и женщинам и в каких семантических областях они наиболее распространены;

2. различия в речевом поведении мужчин и женщин, в частности: стратегии и тактики, гендерно специфический выбор единиц лексикона, способы достижения успеха в коммуникации – иначе говоря, специфика речепорождения мужчин и женщин.

Многие из обозначенных направлений нашли свое отражение не только в лингвистике, но и в иных областях знания: гендерные исследования в целом характеризуется развитием в междисциплинарной парадигме, и в этом их отличительная особенность.

В 1960-х–1970х гг. XX в. гендерные исследования в языке получили мощнейший толчок к развитию, вызванный так называемым Новым женским движением в США и Германии, в результате чего в языкознании возникло своеобразное направление, названное феминистской лингвистикой, или феминистской критикой языка. Именно в этот период в понятийный аппарат науки вводится термин «gender», который использовался сначала в психологии, социологии, истории и историографии, а позже нашел своё место и в лингвистике, что, в свою очередь, и стало основой появления новой области языкознания – гендерной лингвистики.

2. Различия понятий «sexus» и «gender»

В отличие от категории «sexus», обозначающей биологический пол человека, категория гендера включает в себя не только природный пол человека, но и используется для описания социальных, культурных и психологических отличий между мужчинами и женщинами и всего, что формирует черты, нормы, стереотипы, роли, типичные и желаемые для тех, кого общество определяет как женщин и мужчин. Гендерная иерархия и гендерно обусловленные модели поведения создаются, конструируются социумом; предписываются устоявшимися в обществе культурными традициями и институтами социального контроля (школой, церковью, правом, медициной, искусством и т.д.) в сравнении с биологическим полом, определяемым природой человека. Понятие гендера оказалось весьма плодотворной категорией грамматики и антропоцентрического описания в целом.

В западной лингвистике на основании различия понятий «sexus» и «gender» выделяются несколько подходов к изучению пола, или, как их назвал исследователь С. А. Ушакин, три типа теоретического фундаментализма:

1. биологический фундаментализм. Традиционно его ассоциируют с именем З. Фрейда, произнесшего знаменитое: «Анатомия – это судьба». В своих работах З. Фрейд сводит феномен пола до уровня половых практик, до уровня сексуальности;

2. структурный (ролевой) фундаментализм. Данная концепция принадлежит Т. Парсонсу и М. Мид. Согласно этой теории, половые роли определяются социальной структурой общества; биологический пол абсолютно определяется социумом и не может определяться только исходя из биологических характеристик человека;

3. символический фундаментализм, идеи о котором придерживались постмодернисты – М. Фуко, Ж. Лакан, Ж. Деррида. Последователи этой концепции придерживались мнения, что реальность как таковая вне языка недоступна для человека. Язык в совокупности с социальной структурой общества, согласно символическому фундаментализму, навязывает человеку стереотипы и клише, и, таким образом, «формирует» реальность для людей, в том числе и понимание биологического пола [31, с. 39-46].

Из трех представленных подходов в контексте данной дипломной работы наиболее интересен третий, в соответствии с которым биологический и социальный пол человека неразрывно связаны с языком, несущим в себе информацию о культурно-историческом развитии общества. Однако в отечественной науке термины «gender» и «sexus» являются практически эквивалентными, т.к. оба переводятся словом «пол». И, хотя некоторыми

исследователями предлагается ввести в понятийный аппарат науки различные термины, характеризующие пол человека как биологическое и социальное явление (напр., гендер, пол, социальный пол, половой диморфизм, полоролевая дифференциация, биосоциальные (биокультурные) характеристики человека и иные), в данной работе эти термины используются как синонимичные, а исследуемые феминитивы – как один из аспектов гендерологии.

Согласно концепции символического фундаментализма, феминитивы с одной стороны формируют реальность для человека, а со второй – отражают её. Феминитивы, равно как и маскулитивы, начинают функционировать в языке вслед за появлением обозначаемого ими. Иначе говоря, сначала появляется некий вид деятельности, профессия, явление, требующее обозначения, и лишь потом – слово, обозначающее его. Именно поэтому феминитивы можно назвать «зеркалом социальной жизни общества»: они отражают развитие общества, фиксируют происходящие в нём изменения.

Об «отражающей» функции феминитивов свидетельствует и тот факт, что в области обозначения принадлежности человека к какому-либо этносу, народу, географической территории феминитивы, как правило, «составляют пару» семантически аналогичным маскулитивным формам, напр.: *поляк – полька, непалец – непалка, итальянец – итальянка; парижанин – парижанка, москвич – москвичка, любанчанин – любанчанка* и т.д. Однако в сфере профессий количество лакун (отсутствия слова в языке, выделяемого на фоне наличия близких по семантике слов внутри той или иной лексической парадигмы) становится довольно большим, и варьируется в различных языках. И объясняется это тем, что (не-) появление феминитивов отображает картину социальной жизни, потребность общества в них.

Издревле виды деятельности делились на женские и мужские, а главными критериями при такой дифференциации были:

1. Физические показатели (женщины редко принимали участие в военных действиях ввиду более слабой выносливости и физического развития, отсутствия мужского гормона тестостерона, повышающего агрессию);

2. Психологические показатели (ведение домохозяйства и воспитание детей, как правило, ложилось на женские плечи из-за наличия у женщин (и отсутствия таковой у мужчин) многозадачности, которая позволяет им одинаково успешно одновременно заниматься несколькими делами; коммуникабельность и исполнительность также чаще присущи женщинам, отчего они чаще заняты в сфере общения с людьми).

Вплоть до XX века женщинам были недоступны многие профессии: к примеру, они не могли работать докторами или иметь отношение к военной службе, а потому слова «докторша», «генеральша» и подобные им обозначали только супругу мужчины с названной профессией. С течением времени

женщинам стало доступно значительно большее количество видов деятельности. Они смогли занимать должности телефонисток, конторских и торговых служащих, медсестер, учительниц младших классов, работниц общественного питания, розничной торговли и т.п. Именно тогда, в начале прошлого века, феминитивы и маскулинитивы (в словацкой лингвистике зачастую заменяются термином «гендерно равный язык», а в польской чаще встречаются как «феминативы» и «маскулинативы») и стали объектом исследований многих учёных-языковедов. Именно тогда в Польше и Словакии, как и в большинстве европейских стран, женщины получили множество прав и возможностей, недоступных для них ранее (обучаться в высших учебных заведениях, занимать должности, ранее считавшиеся «мужскими» и т.д.).

И если в английском (и некоторых других языках романской и германской групп) многие слова, обозначающие профессию, употребляются к мужчинам и женщинам без изменений (напр. «teacher» ‘учитель/учительница’), то для славянских языков, в частности, для словацкого и польского, исследуемых в данной работе, характерны родовые окончания, четко обозначающие пол человека, о котором идёт речь. А потому роль феминитивов в этих языках крайне велика.

История развития феминитивов в словацком и польском языках крайне отличается (что подробно изложено в главах 2 и 3), однако, несмотря на это, вопросы использования наименований женского рода в польском и словацком языках стоят примерно одинаковые. Обобщая, можно их привести к следующим трем:

1. Должны ли существовать феминитивы «в пару» ко всем маскулинитивным формам?
2. Стоит ли употреблять обе родовые формы при обращении к смешанной группе лиц (состоящей из мужчин и женщин)?
3. Нормативно ли употребление названия в мужском роде по отношению к лицу женского пола?

Ответ на последние два вопроса подробно исследован в главах 2 и 3. Говоря о первом, стоит отметить, что точки зрения всемирно известных лингвистов на эту проблему существования (или, скорее, отсутствия) феминитивов в языке отличаются. Ярче всего в решении этого вопроса выделяются два подхода: «против» введения в язык феминитивов, парных их маскулинитивным формам, и, соответственно, «за» словарное закрепление таких форм.

Согласно первому подходу, «искусственное» введение наименований женского рода «в пару» к мужским, с большой долей вероятности вызовет недовольство носителей языка и приведет к тому, что эти формы не будут ими употребляться. Кроме того, если феминитивы являются «зеркалом» социальной

жизни общества и отражают события, происходящие в нём, то несвоевременное появление в языке слов, обозначающих какой-либо вид деятельности, будет искажать истинное развитие общества.

Противопоставить ей можно вторую идейную концепцию, основывающуюся на мнении, что при условии использования и закрепления в лексикографических источниках феминитивных формы, не использовавшиеся до этого, рано или поздно носители языка к ним привыкнут и будут активно их использовать.

Проблема «принятия» номинаций в форме женского рода более актуальна для польского языка: в нём существуют давние и привычные для носителей языка формы, которым сложно противопоставить нововведения. В словацком же, в свою очередь, феминитивы появлялись параллельно кодификации языка, а потому в сравнении с польским они выигрывают количественно. Но в обоих языках присутствуют свои специфические особенности употребления феминитивов, которые рассмотрены и проанализированы далее в работе.

ГЛАВА 2 ФЕМИНИТИВЫ В СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКЕ

Историю развития феминитивов в словацком языке проследить довольно сложно, что объясняется поздним появлением кодифицированного словацкого языка. Как известно, Словакия на протяжении всей своей истории вплоть до 1991 года (в указанном году страна обрела независимость) находилась под властью Венгрии, Австрии, Чехии. Историческое развитие страны непосредственно отразилось и в языке: словацкий язык основан на базе общеславянских слов, но своё место в нем нашли заимствования из венгерского, латинского, немецкого и иных языков неславянских языковых групп. Первая попытка его кодификации произошла только в конце XVIII века – в 1787 году, когда Антон Бернолак написал «Dissertatio philologico-critica de literis Slavorum» ‘Филолого-критическое рассуждение о славянских письменах’, а вслед за этим ещё несколько работ, посвящённых грамматическому, лексическому и синтаксическому строю словацкого языка. Однако вариант словацкого языка, предложенный А. Бернолаком («бернолаковщина») не получил широкого распространения. Основателем современного словацкого языка был Людовит Штур, который в 1846 году в работе «Náuka reči slovenskej» ‘Наука речи словацкой’ кодифицировал новые правила письменного словацкого языка на основе среднесловацкого диалекта, которые с некоторыми изменениями до сих пор используются словаками.

Таким образом, словацкий язык, «впитав» в себя опыт других языков, стал очень подвижным в словообразовании. Так как общепринятый кодифицированный вариант словацкого языка появился в середине XIX века, он «пережил» период наибольшего неравенства между ролью женщин и мужчин в обществе, а потому феминитивы в нем с момента кодификации заняли прочное место. На сегодняшний день в большинстве своем номинации в форме мужского рода имеют свою противоположную по гендерному признаку «пару».

1. Феминитивные словообразовательные единицы словацкого языка

Наиболее продуктивной и частотной феминитивной словообразовательной единицей в словацком языке является суффикс «-k(a)», напр.: *učiteľ* – *učiteľka* ‘учитель – учительница’, *minister* – *ministerka*, *magister* – *magisterka* ‘магистр – «магистр» в ф. ж. р.’, *ochranár* – *ochranárka* ‘покровитель – покровительница’, *díler* – *dílerka* ‘дилер – «дилер» в ф. ж. р.’, *narkoman* – *narkomanka* ‘наркоман – наркоманка’, *kameraman* – *kameramanka* ‘оператор – «оператор» в ф. ж. р.’, *riaditeľ* – *riaditeľka* ‘руководитель – руководительница’, *vychovávateľ* – *vychovávateľka* ‘воспитатель – воспитательница’, *pracovník* – *pracovníčka* ‘работник-работница’, *občan* – *občianka* ‘гражданин – гражданка’, *študent* – *študentka* ‘студент – студентка’. Некоторые феминитивы, образованные при помощи этого суффикса, не имеют эквивалентов в мужском роде, напр.: *hosteska* ‘«администратор» в ф. ж. р.’, *modelka* ‘модель’.

Менее продуктивной словообразовательной единицей является суффикс «-уňa»: *boh* – *bohuňa* ‘бог-богиня’, *vrah* – *vrahuňa* ‘«враг» в ф. м. р. и ж. р.’, *kolega* – *koleguňa* ‘«коллега» в ф. м. р. и ж. р.’. Как правило, этот суффикс присоединяется к морфеме «-k», которая в определенных случаях заменяет суффиксы «-ok», «-ca», «-ec», напр.: *svedok* – *svedkyňa* ‘свидетель – свидетельница’, *sudca* – *sudkyňa* ‘«судья» в ф. м. р. и ж. р.’, *sprievodca* – *sprievodkyňa* ‘проводник – проводница’, *zradca* – *zradkyňa* ‘изменщик – изменщица’, *letec* – *letkyňa* ‘летчик – *летчица’, *jazdec* – *jazdkyňa* ‘всадник – всадница’, *poslanec* – *poslankyňa* ‘посланец – посланница’, *vel’vyslanec* – *vel’vyslankyňa* ‘«посол» в ф. м. р. и ж. р.’.

Феминитивный суффикс «-iná» встречается лишь в некоторых словах: *švagriná* «невестка», *testiná* «теща».

Некоторые феминитивы образуются также посредством окончания «-a», присоединяемого к маскулитивным формам: *sused* – *suseda* ‘сосед – соседка’, *kmotor* – *kmotra* ‘кум – кума’², *okáň* – *okaňa* ‘«глазастик» в форме м.р. и ж. р.’, *vdovec* – *vdova* ‘вдовец – вдова’.

Одной из наиболее характерных феминитивных словообразовательных единиц словацкого языка является окончание «-ová». Данное окончание выполняет в словацком языке особую роль: с его помощью от мужских фамилий образуются все без исключения фамилии женского рода, к примеру: *Milčák* – *Milčáková*, *Marek* – *Mar(e)ková*, *Vrábel* – *Vráb(e)ľová*. Использование данного суффикса в женских фамилиях закреплено на государственном

² Данная лексема не зафиксирована в Большом толковом словаре русского литературного языка Кузнецова С.А., однако зафиксирована в Новом толково-словообразовательном словаре Ефремовой Т.Ф. [26].

уровне: все женщины, имеющие словацкое гражданство, обязаны иметь фамилию с окончанием «-ová», и именно этот факт нередко становится проблемой словачек, которые по той или иной причине хотели бы изменить фамилию.

Известнейшие словацкие СМИ неоднократно уделяли внимание теме женских фамилий, этот вопрос появлялся на страницах таких изданий, таких как Extra plus или Nové slovo. На страницах Интернет-порталов проблема употребления фамилий с суффиксом «-ová» также становилась предметом многочисленных обсуждений и дискуссий. Так, к примеру, у одной из пользовательниц портала mojasvadba.sk возникла следующая просьба: «Женщины, посоветуйте! Что мне делать, если я хочу выйти замуж за иностранца, но мне не нужна его фамилия (в Испании все сохраняют свою фамилию, у детей двойная фамилия: первая от отца, вторая – от матери), я просто хочу сохранить свою фамилию, но без «-ová». Ведь если мой сын получит фамилию с этим окончанием, его на смех поднимут все словацкие дети!».

На этом же форме можно встретить и иные вопросы, вызванные обязательным для всех словачек употреблением окончания «-ová», к примеру: «Мой жених из Великобритании, но живем мы сейчас в Азии. Свадьбу хотим провести в Словакии, когда будет красива снежная зима. Конечно, я хочу взять его фамилию, но без окончания «-ová». Я спрашивала у юристов, возможно ли это, и мне сказали, что, конечно, возможно, но для этого мне нужно сменить гражданство. Но это ли не странно? Я не хочу менять гражданство. Я словачка, и я горжусь этим, и я хочу ею остаться, зачем тогда мне менять гражданство? Помогите, хоть кто-нибудь, что мне делать? Я уже даже думаю над тем, чтобы написать письмо президенту, чтобы для меня в индивидуальном порядке сделали исключение...» [17].

И посетители форумов активно советуют. То, что могут посоветовать в рамках закона: сменить гражданство. В таких случаях людей, прибегающих к подобным советам, зачастую обвиняют в отсутствии национальной гордости или лояльности к словацкому народу, но могут ли они посоветовать что-то иное, руководствуясь законодательными актами?

Известны также случаи осложнений при прохождении паспортного контроля в странах, где таможенники не знают, как образуются женские фамилии в словацком языке. Неоднократно на границах возникали проблемы с доказательством родства сына и матери, формально имеющих разные фамилии, хотя, согласно правилам словацкого языка, на самом деле фамилия одна и та же.

В данном контексте представляется интересной позиция Института языкознания им. Людовита Штура Словацкой Академии наук, размещенная на

официальном сайте института: «Определенные дополнительные указания на запись фамилий появились в статье закона 154/1994 как ответная реакция на просьбы женщин, имеющих словацкое гражданство, записывать их фамилии в официальных документах без окончания «-ová», в частности, при заключении брака и принятии типичной словацкой фамилии. В таком случае не исполняется установленное в законодательстве условие для гражданок Словацкой республики иметь фамилию с указанным окончанием. Стандартная форма женской фамилии в словацком языке имеет окончание «-ová», такова устоявшаяся норма словацкого языка.

При заключении брака по желанию женщины на основании её письменной просьбы может быть официально разрешено употребление фамилии без окончания, однако женщина должна быть предупреждена о последствиях такого решения: в рамках неофициального общения может употребляться несклоняемая форма её фамилии (с пани Евой Новак, от Яны Медведь), однако в соответствии с нормами кодифицированного словацкого языка фамилия может также склоняться (с пани Евой Новаковой, от Яны Медведевой т.д.), и нельзя препятствовать этому подобным запретом. Женщина должна также учитывать, что будет существовать различие между основной (официальной) записью фамилии и её употреблением в неофициальной сфере общения. В первом случае, конечно, более предпочтительным будет употребление несклоняемой формы фамилии, во втором – могут быть употреблены различные её словоформы. Данное примечание следует указать в обозначенном законе и иных нормативных правовых актах, регулирующих запись и употребление имен собственных и фамилий.

Фамилии, имеющие характер прилагательных, рекомендуется употреблять в соответствии с их «естественным» грамматическим родом, напр.: Зузана Тиха, Ева Бадинска.

Согласно правилам Словацкого правописания (2000 г.), при написании двойной фамилии следует использовать дефис без пробелов. При этом первой рекомендуется указывать приобретенную фамилию (т.е. фамилию супруга), а второй – девичью фамилию супруги. К примеру, муж Ян Тихи, жена Зузана Тиха-Новакова» [12].

В ходе исследования гендерно-равных номинаций в словацком языке лингвистка Юлия Враблева подготовила письменные вопросы руководительнице отдела регулирования норм государственного языка Министерства культуры Словакии Елены Качаловой. Один из заданных лингвисткой вопросов касался употребления женских фамилий в отношении иностранок: «Употребление несклоняемых иностранных женских фамилий расценивается как действие, противоречащее устоявшимся закономерностям словацкого языка. Однако какое значение имеет понятие «закономерности словацкого языка», обладают ли они какой-то правовой силой?»

Ответ Е. Качаловой был следующим: «Если рассматривать язык как инструмент, используемый в первую очередь для взаимопонимания между

адресатом и адресантом в процессе коммуникации, то он должен обладать определёнными нормами и правилами, общими для всех участников той или иной коммуникативной ситуации. Основная функция этих правил заключается в достижении максимально возможного взаимопонимания между всеми носителями данного языка в процессе любого коммуникативного акта. Это и есть закономерности языка, в базирующиеся на характеристике языка по его типологической принадлежности (т.е. к синтетическому либо аналитическому строю).

Если, к примеру, в контексте словацкого языка будет употреблена словоформа «человеку» (допустим, в предложении «Человеку дали награду за особые заслуги»), то эта словоформа синтетическим способом будет отражать одновременно три грамматических значения: род (мужской), число (единственное), падеж (дательный). В словацком языке при создании такого предложения мы должны использовать именно эту словоформу, если хотим обеспечить корректную связь между единицами языка на всех его уровнях. Такова закономерность языка флективного строя. <...> Абсолютно естественно и нормально то, что все слова, которые употребляются в контексте того или иного языка, должны подчиняться его закономерностям того вне зависимости от того, заимствованные они или нет, и являются ли они именами собственными. Поэтому в словацком языке будет нормативной только предложение «Я иду с госпожой Фишеровой», но никак не «Я иду с госпожой Фишер», невзирая на то, словацкое или немецкое гражданство имеет эта госпожа. Фамилии подчиняются языковым закономерностям точно так же, как и все остальные слова. Проявление черт, характерных для аналитических языков, в синтетических языках нарушает их корректное функционирование.

В приведенном примере мы будем употреблять словоформу «ФишEROва» в первую очередь потому что таким образом мы проявим уважение к базовым принципам словацкого языка. Ведь, создавая тексты в их устной и письменной форме, на словацком языке, мы можем использовать колоссальное преимущество нашего языка: одной лишь словоформой фамилии без указания имени мы можем явно обозначить родовую принадлежность референта высказывания» [6, с. 149].

То же правило действует и в отношении номинаций, обозначающих должность или профессию в отношении конкретного лица: согласование между данной номинацией (напр., *učiteľka* 'учительница') и именем собственным (Ковачева) также является одной из закономерностей словацкого языка. Игнорирование данных закономерностей нашего языка в определенных случаях должно быть полностью аргументировано».

Таким образом, можно сделать следующие выводы об образовании феминитивов в словацком языке:

1. наиболее продуктивной и частотной феминитивной словообразовательной единицей в исследуемом языке является суффикс «-k (a)», менее продуктивными являются суффиксы «-yňa», «-iná», а также окончание «-a», присоединяемое к маскулинитивным словоформам;

2. характерной для словацкого языка феминитивной словообразовательной единицей является окончание «-ová», которое, согласно законодательству, в обязательном порядке должно присутствовать в фамилиях женщин, имеющих словацкое гражданство. Данное окончание, по мнению лингвистов, должно присутствовать также и в иностранных женских фамилиях в контексте их употребления в словацком языке в соответствии с устоявшимися нормами и правилами данного языка.

2. Особенности функционирования феминитивов в словацком языке

Исходя из примеров, приведенных в разделе 1 данной главы, следует, что феминитивы в словацком языке распространены, за редким исключением не имеют словообразовательных ограничений и представляют собой пару почти всем маскулинитивным номинациям. Исключение составляет относительно небольшая группа слов, в которой феминитивы невозможно образовать по причине *лексических ограничений*. Однако в таком случае в словацком языке феминитивы образуются от других корней, к примеру: *básnik* ‘поэт’ – *básnička* ‘стихотворение’ – *poetka* ‘поэтесса’.

Таким образом, вопрос образования и употребления феминитивных форм в словацком языке не является актуальным, а потому словацкие лингвисты обращают внимание на проблему иного характера: *использование феминитивов при обращении\именовании смешанной группы людей (мужчин и женщин), иначе говоря – гендерное равенство языка*.

Этому вопросу посвящено уже много научных работ, и одна из них – «Как использовать гендерно-уравновешенный язык: возможности, вопросы, примеры» – будет рассмотрена подробнее. Указанный труд был подготовлен при поддержке словацкого Министерства труда, социальной защиты и семьи коллективом известных словацких лингвисток (Яна Цвикова, Юлия Врableва, Яна Юранева, Зузана Мадьярова и другие) в рамках проекта «Социолингвистическое исследование и руководство гендерно-чувствительного языка национального проекта Институт полового равенства».

В данной работе даются следующие понятия для обозначения равного по половой принадлежности языка: *(гендерно-) корректный, симметричный, чувствительный, нейтральный, компетентный язык*.

Использование гендерно-корректного языка, по мнению специалистов в области гендерной лингвистики, играет большую роль, так как (не-)употребление двух родовых форм влияет на сознание носителей языка. Традиционно в языке принято называть смешанную группу людей, используя существительное множественного числа мужского пола, к примеру: коллеги; педагоги; преподаватели и т.п. Однако последователи феминизма настаивают на том, чтобы в обращение реализовывалось посредством номинаций в формах двух родов.

Так, в обозначенной выше публикации приводится следующий пример: «Если в тексте речь идет о ‘политиках’ или ‘посетителях’, то читающие этот

текст *люди*³ скорее представляют мужчин, нежели женщин. Если же в тексте ввести небольшое изменение – о *‘политиках и političkach’* (‘«политик» в ф. ж. р. ’), *‘посетителях и посетительницах’*, мысленное представление женщин в процентном соотношении увеличивается. Кроме этого, текст, написанный в гендерно-корректной форме, может положительно влиять на женщин, так как обращение к ним будет выделено отдельно. А предложения о трудовом сотрудничестве привлекут больше женщин, если в них будет написано *‘клиенты и клиентки’*, чем те, в которых будут только *‘клиенты’*» [8, с. 46].

Стоит отметить, что это вопрос был поднят даже на политической арене. Словацкая либерально-консервативная проевропейская непарламентская организация PS/SPOLU *‘политическая партия / ВМЕСТЕ’*, которая была официально оформлена в январе 2018 года, в сентябре 2019 года представила свою политическую программу под названием *Vod zlomu* *‘Пункт преломления’*. Ценность данной политической программы в отношении лингвистики состоит в том, что в ней впервые в документах подобного рода наряду с номинации в форме мужского рода множественного числа используются эквиваленты в форме женского рода множественного числа, напр.: «...Это станет мотивацией для большого числа наших *pedagogov a pedagogičiek* (‘«педагогов» в ф. ж. р. и м. р. ’), воспитателей и воспитательниц, молодёжных и спортивных *organizátorov a organizátoriek* (‘ «организатор» в ф. ж. р. ’), *vedcov a vedkýň* (‘«учёных» в ф. м. р. и ж. р. ’), техников и *techničiek* (‘«техник» в ф. ж. р. ’), работников и работниц» [20].

Реакция общественности на этот смелый поступок была весьма неоднозначной: словацкий новостной Интернет-ресурс *Postoj* *‘Отношение’* 24 сентября 2019 года опубликовал статью под названием *Čo vymysleli progresívci a progresívky*⁴ *‘Что придумали прогрессивные люди’*, отрывок из которой будет приведен далее:

«Искушенный читатель, который до сих пор ничего подобного в словацком языке не встречал, как только начнёт читать, непременно подумает, не пародия ли это, а со временем и вовсе не сможет концентрироваться на содержании главы, в которой сможет насчитать наибольшее количество мужских и женских наименований в одном ряду и, в конце концов, не выдержит и прыснет со смеху. Вскоре он поймёт, что он уже дочитал до двухсотой страницы и читать больше не может – потому что скучает по словацкому языку, который ещё не успел изнасиловать ни один гендер-редактор <...> Государственные органы должны проинформировать *„граждан и гражданок“* о том, что, если человек заболевает, пусть ему и в

³ Следует обратить внимание на то, что авторами работы употреблена форма «читающие люди» вместо «читатели» – мужской род во множественном числе (прим. О.С.).

⁴ Перевести данные номинации на русский язык буквально не представляется возможным (прим. О.С.).

голову не приходит идти к *доктору*, потому что он должен идти „к *доктору или lekárke*“ (‘«доктор» в ф. ж. р.’)».

В конце концов, автор статьи в газете *Postoj* саркастически отмечает: «Иногда редактор *Vodu zlomu* засыпает, и невольно у него проскользнет фраза: «Государство не должно пренебрегать ролью инвестора» (почему же государство не может одновременно взять на себя роль инвесторки)? <...> Если мы хотим адаптироваться к этому стилю, нам следует продолжать серьезно писать о том, что предлагают „*progresívci a progresívky*“ ‘«прогрессивные люди» в ф. м. р. и ж. р.’, но мы предпочтём всё же оставить этот жанр гендерной лингвистики другим „*expertom a expertkám*“ ‘«экспертам» в ф. м. р. и ж. р.’» [19].

Указанная эта статья нашла большой отклик в Интернете: несмотря на то, что далее в ней обсуждаются политические, культурные и социальные проблемы, комментаторы обратили своё внимание в первую очередь на нестандартное использование феминитивов: «„*Lamačankam a Lamačanom, vodičom a vodičkam, pre obývatel'ov a obývatel'ky*“ ‘жительницам и жителям района Ламач; водителям и водительницам; гражданам и гражданкам’ ... У меня складывается впечатление, что PS/SPOLU – это не политическая партия, а какая-то секта»; «До сих пор я считал, что гендерно равный язык – это шутка, но теперь... Что же, я не хочу быть враждебным, но мы должны быть по-настоящему честными и составить статистику того, сколько раз название в женском роде стоит на первом месте, и, соответственно, сколько раз на первом месте стоит название в мужском роде. Таким образом, чтобы быть гендерно-корректными, число первых позиций должно быть сбалансированным, или, во имя порядочности, при нечетном количестве названий одно первое место можно уступить женщинам».

Реакция носителей языка на этот текст носит очевидно более отрицательный характер, что, возможно, в некоторой мере обусловлено стремлением языка к экономии речевых усилий. Лингвистики, подготовившие обозначенную ранее публикацию по вопросам гендерно-корректного языка, приводят результаты опроса, который они провели среди студентов. Студенты были поделены на три группы, после чего каждой из групп было предложено оценить уровень текста по трём критериям:

1. Сложность чтения и восприятия текста;
2. Понимание текста;
3. Стилистический уровень текста.

Первая группа студентов оценивала текст, в котором мужчины и женщины обозначались с помощью названия в мужском роде множественного числа („*клиенты*“), вторая группа – текст с употреблением названий в множественном числе в мужском и женском роде („*клиенты и*

клиентки“), третья группа – текст, в котором употреблялся гендергэп („клиенты\–ки“). Оценка текстов по перечисленным критериям была вызвана следующим опасением исследователей: если текст сделать гендерно-корректным, он может увеличиться в объеме, что, соответственно, может затруднить его понимание и восприятие, а чтение его станет более сложным.

Тексты были следующими:

Таблица 2.1

Версия I – маскулинитивная	Версия II – гендерно-корректная
<p>«Ищете работу? Посетите нас! Центр консультационных услуг (ЦКУ)</p> <p>В ЦКУ Вы найдёте широкий спектр информации, который поможет <u>соискателям</u>, ищущим работу (в электронном и печатном вариантах) о рынке труда, профессиональную литературу, информационные флаеры, рекламные материалы, обзор колледжей и университетов, каталог <u>работодателей</u> и <u>инвесторов</u> с информацией о трудовых условиях и типах профессий, социальном обеспечении и возможностях трудоустройства.</p> <p>ЦКУ – это место, где <u>клиенты</u> могут воспользоваться компьютерами с доступом в Интернет и возможностью печати. <u>Клиенты</u> ЦКУ – <u>соискатели</u>, ищущие место работы, <u>zaujemocovia</u> («заинтересованные лица»), существительное употреблено в м. р. мн.ч.), <u>ученики</u> средней и старшей школы, <u>студенты</u> и иные <u>граждане</u>. Всю информацию <u>клиент</u> может найти сам, но в случае надобности на помощь всегда придёт специально подготовленный <u>работник</u>».</p>	<p>«Ищете работу? Посетите нас! Центр консультационных услуг (ЦКУ)</p> <p>В ЦКУ Вы найдёте широкий спектр информации, который поможет <u>соискателям и соискательницам</u>, ищущим работу (в электронном и печатном вариантах) о рынке труда, профессиональную литературу, информационные флаеры, рекламные материалы, обзор колледжей и университетов, каталог <u>работодательных и инвесторских субъектов</u> и фирм с информацией о трудовых условиях и типах профессий, социальном обеспечении и возможностях трудоустройства.</p> <p>ЦКУ – это место, где <u>Вы</u> можете воспользоваться компьютерами с доступом в Интернет и возможностью печати. В ЦКУ приходят <u>люди, которые</u> ищут место работы и <u>заинтересованы в поиске работы, люди, которые</u> учатся в средней или старшей школе, или университете <u>и иные граждане и гражданки</u>. Поиск информации <u>может проводиться самостоятельно</u>, а в случае</p>

	надобности на помощь всегда придёт <u>специально обученный персонал</u> ».
--	--

Результаты исследования: тексты первой и второй групп были оценены одинаково, так что опасения по поводу ухудшения восприятия информации ввиду увеличения объема текста, по мнению исследователей, не оправдались. Третья группа испытуемых, которым было предложено оценить текст с гендергэпами, выразила негативное отношение к прочитанному по всем трём параметрам [5, с. 75].

Авторы данной работы по лингвистике делают акцент на том, что было бы целесообразно начать изменение языка с изменений в законодательстве, правах и иных важных для государства документах, так как, по их мнению, именно в законодательстве, где язык должен быть максимально точный и конкретный, такие изменения провести очень легко. Авторы приводят для сравнения два текста: первый – это фрагмент текста из конституции Словакии, а второй – это то, как можно было бы изменить текст, чтобы он стал более гендерно-корректным. При этом отмечается, что язык закона все-таки довольно близок к гендерно-равному, поэтому удачные с точки зрения гендерной лингвистики выражения выделены курсивом, неудачные – чёрным жирным шрифтом с подчёркиванием, а в исправленном варианте они же выделены жирным курсивным шрифтом. Выглядят эти тексты так:

Таблица 2.2

Версия I – фрагмент из конституции Словацкой Республики, статья 17.	Версия II – исправленный фрагмент из конституции Словацкой Республики, статья 17.
<p>П. 3. <u>Обвиняемого</u> или <u>подозреваемого</u> в преступлении можно задержать только в установленных законом случаях. <i>Задержанное лицо</i> должно быть сразу же проинформировано о причине задержания, выслушано и в течение 48 часов отпущено или привлечено к судебной ответственности. <u>Судья</u> должен в течение 48 часов или в случае особо тяжелого обвинения в течение 72 часов после задержания выслушать <i>задержанное лицо</i> и принять решение о привлечении к судебной</p>	<p>П. 3. <u>Лицо, обвиняемое</u> или <u>подозреваемое</u> в преступлении, можно задержать только в установленных законом случаях. <i>Задержанное лицо</i> должно быть сразу же проинформировано о причине задержания, выслушано и в течение 48 часов отпущено или привлечено к судебной ответственности. <u>Суд</u> должен в течение 48 часов или в случае особо тяжелого обвинения в течение 72 часов после задержания выслушать <i>задержанное лицо</i> и принять решение о привлечении к судебной</p>

<p>ответственности или избавлении от обвинения.</p> <p>П. 4. Обвиняемого можно арестовать только в случае письменного доказательного приказа судьи. Арестованное лицо в течение 24 часов после ареста должно быть предоставлено суду. Судья должен в течение 48 часов или в случае особо тяжелого обвинения в течение 72 часов после ареста выслушать <i>арестованное лицо</i> и принять решение о привлечении к судебной ответственности или избавлении от обвинения.</p>	<p>ответственности или избавлении от обвинения.</p> <p>П. 4. Обвиняемое лицо можно арестовать только в случае письменного доказательного приказа суда. Арестованное лицо в течение 24 часов после ареста должно быть предоставлено суду. Суд должен в течение 48 часов или в случае особо тяжелого обвинения в течение 72 часов после ареста выслушать <i>арестованное лицо</i> и принять решение о привлечении к судебной ответственности или избавлении от обвинения.</p>
---	--

Специалисты в области лингвистики в вышеназванной работе приходят к выводу, что в целом, язык закона близок к гендерно-равному, и люди, занимающиеся оформлением сайтов органов государственного управления, стремятся к этому равенству [5, с. 40]. К примеру, на сайте Министерства культуры Словакии можно заметить конкретно гендерно-обозначенные звания: *министр, государственный секретарь, начальница служебного управления* и т.д.

Однако на том же сайте встречается пример абсолютной маскулинитивизации – языковой конкурс для учащихся под названием „*Prečo mám rád slovenčinu, prečo mám rád Slovensko*“ ‘Почему я люблю словацкий язык, почему я люблю Словакию’ – глаголы употреблены в форме м. р. ед. ч. Само название конкурса носит ярко выраженный маскулинитивный характер, эта же тенденция наблюдается и в самом тексте, на что обращают внимание исследователи, и, как и прежде, предлагают свою версию:

Таблица 2.3

<p>Версия I – маскулинитивная</p> <p>Конкурс „<u>Prečo mám rád slovenčinu, prečo mám rád Slovensko</u>“ ‘Почему я люблю словацкий язык, почему я люблю Словакию’ – глаголы употреблены в форме одушевленного м. р. ед. ч. – это общенациональный конкурс среди <u>учеников</u>, целью которого является выявить, развить и</p>	<p>Версия II – гендерно-корректная</p> <p>Конкурс „<u>Prečo máme rádi slovenčinu, prečo máme rádi Slovensko</u>“ ‘Почему мы любим словацкий язык, почему мы любим Словакию’ – глаголы употреблены в форме одушевленного м. р. мн. ч. – это общенациональный конкурс среди <u>учеников и учениц</u>, целью которого является выявить,</p>
--	--

<p>углубить интерес детей и молодежи к родному языку и дать им возможность выразить свои отношения со словацким и словацким языками с помощью собственных средств выражения (в форме прозаических жанров, стихов или других форм языка), личности словацкой нации, дома и близких. Он предназначен для учеников всех типов и вариантов начальных и средних школ на территории Словацкой Республики, а также для учащихся всех типов и вариантов начальных и средних школ за рубежом, которые интересуются словацким языком и Словакией.</p>	<p>развить и углубить интерес детей и молодежи к родному языку и дать им возможность выразить свои отношения со словацким и словацким языками с помощью собственных средств выражения (в форме прозаических жанров, стихов или других форм языка), личности словацкой нации, дома и близких. Он предназначен для учеников и учениц всех типов и вариантов начальных и средних школ на территории Словацкой Республики, а также для учащихся всех типов и вариантов начальных и средних школ за рубежом, которые интересуются словацким языком и Словакией.</p>
--	---

Авторы работы предлагают также другие возможные варианты исправлений:

1. Можно индивидуально обозначить ученика и ученицу: „*Prečo mám rád slovenčinu, prečo mám rád Slovensko a prečo mám ráda slovenčinu, prečo mám ráda Slovensko*“ ‘Почему я люблю словацкий язык, почему я люблю Словакию’ – глаголы употреблены в форме одушевленного м. р. ед. ч и ж. р. ед. ч.

2. Заменить сочетание глаголов „*mám rád/mám ráda*“ (дословно: ‘я имею любить’) одним глаголом – *milovať / ľúbiť* (оба глагола переводятся словом ‘любить’, но первый глагол употребляется, как правило, в ситуациях близких интимных отношений, а второй считается архаичным). Эта замена обусловлена тем, что в таком случае пропадает необходимость конкретизировать род глагола: *Prečo milujem slovenčinu, prečo milujem Slovensko/Prečo ľúbim slovenčinu, prečo ľúbim Slovensko*.

3. Слово «ученики» можно заменить не только двумя словами «ученики и ученицы», но и общим словом, включающим в себя совокупность представителей женского и мужского полов – «учащиеся» (в подобном значении в русском языке используются слова «дети» и «молодёжь»): *žiakov – žiakov a žiačky \ žiactva* ‘учеников – учеников и учениц\учащихся’.

4. Постараться построить текст таким образом, чтобы слово «учеников», фигурирующее в нём два раза, сократить до однократного применения – таким образом, заменить его на слова «учеников и учениц» можно будет лишь единожды, что не бросится в глаза читателю [5, с. 25].

К слову, информацию о том, как проходил конкурс и каковы были его результаты можно найти на том же сайте Министерства культуры Словакии. Интересно то, каким образом это описывается:

«Пятнадцать *porotkúň* ('членов жюри' – существительное употреблено в форме ж. р. мн. ч.) оценили в совокупности 618 работ во всех категориях. Жюри состояло из *писателей, языковедов, узкопрофильных работников в сфере образования и представителей* объявителей конкурса. *Porotkyne* ('члены жюри' – существительное употреблено в форме ж. р. мн. ч.) присудили в каждой из четырёх категорий в конкурсе Главную награду, Признание жюри, Почётную благодарность и Личную благодарность жюри, а также оценили *учителей* и школы, принявшие участие в конкурсе – всё это исходя из количества и качества работ» [4].

Здесь наблюдается яркий пример обезличивания женщин: изначально в тексте заявлено, что жюри состоит из женщин, а далее идёт перечисление профессий членов жюри в мужском роде, что может создать ложное впечатление о том, что жюри составляет смешанная группа, однако на самом деле его представляют женщины. Исходя из этого можно предположить, что в словацком языке, равно как и в русском, употребление названий профессий в мужском роде увеличивает престиж и значимость профессии.

Многие исследователи в области социолингвистики пытались найти ответ на вопрос о том, почему «престижность» играет такую роль в сознании носителей языка. Среди них – Ярмила Филадельфилова, словацкий социолог, специалист в области гендерного равенства, семейной и социальной политики. В 2008 году она написала научную исследовательскую работу под названием «Звание учителя: аспекты гендерного равенства в школе».

Я. Филадельфилова изучила отношение учителей в школе к детям, после чего пришла к выводу, что именно учителя влияют на сознание детей, именно они формируют подобную неравную картину мира. Как известно, в возрасте 6-12 лет учителя имеют огромное влияние на детей, они закладывают базу знаний и представлений ребёнка о мире. Поэтому Я. Филадельфилова пообщалась с преподавателями, чтобы услышать их стиль общения. В данной работе социолог привела примеры из повседневного общения учителей, обратив особое внимание на количество употребления обозначений мужского рода, а в скобках указала пол человека, которому принадлежало данное высказывание. Кроме того, она эти примеры классифицировала следующим образом:

- **использование обозначений мужского рода при обращении к смешанной группе:**

Каждый učitel' 'учитель' должен быть psychológom 'психологом', чтобы понять ребёнка и найти к нему индивидуальный подход. (ж)

Они даже не пытаются выяснить, как с точки зрения воспитания следует вести себя в той или иной ситуации, а сразу во всём обвиняют *učiteľ'a* 'учителя'. (ж)

Что-то такое, что нужно было бы *učiteľ* 'учителю'... (ж)

Učiteľ 'Учитель', конечно, может учить, но не обязан. (ж)

Несмотря на нашу учительскую работу, мы ещё и *úradníci* 'чиновники'. (ж)

Мы, *učitelia* 'учителя', и так уже достаточно унижены. (ж)

Они такие простые, когда влезают в дела *učiteľom* 'учителей'... (ж)

... хотя бы *učitelia* 'учителя' в младших школах. (ж)

... даже если возникает какая-либо проблема с родителями, *učiteľ* 'учитель' должен разобраться в этом. (ж)

Не следует всегда принимать сторону родителя только за то, что он – великий *sponzor* 'спонсор' и отдаёт школе много денег, нужно понимать и *učiteľ* 'учителя'... (ж)

Odborníci 'Специалисты', равно как и *psychológovia* 'психологи', должны были бы оторваться от своих столов и прийти напрямиком к нам, в школы, потому что они нам необходимы, ведь нужно *učiteľ* 'учителю' как-то учить. (ж)

Различие между квалификацией *učiteľ'a* 'учителя'...

- использование мужского рода при упоминании женщины женщиной:

А хуже всего, если *pedagóg* 'педагог' – это ваша подруга... (ж)

- использование мужского рода учительницами при рассказе о себе:

Я, как *učiteľ* 'учитель', имею право на личную жизнь. (ж)

Я могу буквально «высчитывать», с каким ребёнком я имею дело. Я знаю наверняка, как с ним контактировать. Поэтому я считаю, что *učiteľ* 'учитель' должен быть в первую очередь хорошим *psychológovia* 'психологом'. (ж)

...да уж, и *psychológa* 'психологом' бы я хотела работать. (ж)

...я заменяю *psychológa* 'психолога'. (ж)

Я думала, что учитель не может быть *workoholik* 'трудоголиком'. Но *učiteľ slovenčinár* 'учитель-словакист' тащит домой стопку тетрадей, и... (ж)

Мы, *učitelia* 'учителя', относимся к родительскому собранию... (ж)

На вопрос о том, хотела ли бы женщина занять руководящую должность:

Riaditeľ'a 'Директором' быть я бы не хотела, а *zástupcu* 'заместителем' – вполне. (ж)

*Я бы хотела сказать: «да, ведь нас воспринимают как настоящих **odborníkov ‘специалистов’**», но нет, о нас говорят: «они всего лишь **učitelia ‘учителя’**».* (ж)

• **пример гротескного использования мужского рода в разговоре о женской группе:**

*Собственно говоря, приходят они в школу разъяренные, и **učitel’ ‘учитель’** для них – худший, который только мог быть. И вместо того, чтобы нормально с этим **učitel’om ‘учителем’** выяснить отношения, они при ребёнке язвительно отпускают: «тупая **učitel’ka ‘учительница’**, да кто тебе позволял так поступать, как ты можешь ставить моему ребёнку такие оценки!»* (ж) (используются оба рода, и мужской, и женский, однако женский род, что характерно, появляется в словосочетании «тупая учительница» - прим. Я.Филоделфиловой)

*Мы, будучи **učitelia ‘учителями’**, хорошо это понимаем.* (ж) (разговор происходит в коллективе, состоящем исключительно из женщин. – прим. Я.Филоделфиловой)

*Я думаю, что этого мнения придерживаются все тридцать моих **kolegov ‘коллег’**.* (ж) (группа смешанная, но в ней преобладают женщины – прим. Я. Филоделфиловой)

*У меня есть **kolegov ‘коллеги’**, которые с радостью получают дополнительное образование...* (ж) (группа смешанная, но в ней преобладают женщины – прим. Я.Филоделфиловой)

*Ну, занимаемся мы, значит, с **žiakov ‘учениками’**...* (ж)

За всё время общения Я.Филаделфиловой с учителями только две респондентки **обратили внимание на род, который они используют в своём общении:**

*Потому что она будет – извините, на языке вертелось **právník ‘адвокатом’** – она будет **právníčka ‘адвокатессой’**.* (ж)

*...Потому что мы, **učitelia a učitel’ku ‘учителя и учительницы’** – работающие...* (ж)

Я. Филаделфилова отметила, что **родовую чувствительность** в некой её мере **проявили респонденты из группы, состоящей исключительно из мужчин**. В данном случае, они хотели обратить внимание на преобладающую феминизацию учительского коллектива, а потому, как выяснилось, они оказались чувствительны к случайным обращениям детей к ним в женском роде:

*Мы [мужчины] так же редки, как шафран, и знаете, у меня часто такое случается (не знаю, как у вас), когда я иду в класс, меня окликают: **paní učitel’ka ‘госпожа учительница’!*** (м) Остальные мужчины

подтверждают: «Да, да, очень частая ситуация, постоянно такое происходит!» (м)

Когда у них пять часов подряд уроки ведёт *učiteľka* ‘учительница’, у них в голове уже просто откладывается фраза *pani učiteľka* ‘госпожа учительница’, и некоторые дети уже просто не осознают, что в класс зашёл учитель, потому что его они видят очень редко... (м)

На вопрос о том, как они к этой ситуации относятся, отвечают: «Ну, сейчас уже даже с юмором» (большинство мужчин).

При разговоре о учениках среди учителей также наблюдалась тенденция употребления мужского рода:

За все эти годы у меня ни разу не случилось, чтобы ученик мог мне нахамить. (ж)

Это ученики, у которых есть... (ж)

Сколько у вас учеников? (ж)

У нас нет никаких рычагов воздействия на таких учеников... (ж)

Даже в самом худшем классе со многими детьми можно выстроить очень хорошие отношения. И я очень радуюсь, когда вижу, как *ten žiačik* ‘какой-нибудь ученик’ постепенно растёт в своих знаниях, и с пятого до девятого класса он становится всё лучше, и случается такое, что в девятом классе отпетый *trojkára* ‘троечник’ может стать круглым *jednotkár* ‘отличником’. (ж) [8, с. 117-119].

Стоит отметить, что в словацком языке, в отличие от русского, все приведённые выше (и выделенные жирным курсивным шрифтом) названия существуют и часто используются как в мужском, так и в женском роде: *učiteľ* – *učiteľka* ‘учитель-учительница’, *psychológ* – *psychologička* ‘«психологи» в ф. м. р. и ж. р.’, *úradník* – *úradníčka* ‘чиновник – чиновница’, *učitelia* – *učiteľky* ‘учителя – учительницы’, *sponzor* – *sponzorka* ‘«спонсор» – в ф. м. р. и ж. р.’, *odborník* – *odbornička* ‘специалист - специалистка’, *psychológovia* – *psychologičky* ‘«психологи» в ф. м. р. и ж. р. мн.ч.’, *pedagóg* – *pedagogička* ‘«педагог» в ф. м. р. и ж. р.’, *slovenčinár* – *slovenčinárka* ‘словакист-словакистка’, *riaditeľ* – *riaditeľka* ‘директор – директриса’, *zástupca* – *zástupkyňa* ‘заместитель – заместительница’, *žiak* – *žiačka* ‘ученик – ученица’, *pravník* – *pravníčka* ‘адвокат – адвокатесса’, *trojkár* – *trojkárka* ‘троечник – троечница’, *jednotkár* – *jednotkárka* ‘отличник – отличница’.

В конце концов, Ярмила Филоделфилова приходит к выводу, что использование только мужского рода учителями во время работы в классе негативно сказывается на девочках. Если образовательные авторитеты (обобщающий термин Я.Филоделфиловой, которым она предлагает заменить маскулинитивное («учителя») и феминитивное («учительницы») названия профессии) в течение долгого времени обращаются к учащимся

исключительно в мужском роде, девочки могут это воспринимать как сигнал унижения, исключения из общей массы, что приводит к изменению их сознания: они чувствуют себя более пассивными, загнанными, не ощущают своего равенства с мальчиками. Это, в свою очередь, ведёт к некоему послушанию, покорности и формированию специфических социальных ролей с одной стороны, а с другой – девочки могут не быть вовлечены в учебный процесс в меньшей степени.

Я.Филоделфилова считает доказательством своей правоты в этом вопросе то, что учительницы не только спокойно реагируют, когда к ним обращаются в мужском роде, но и сами называют себя «учителями», в то время как мужчины остро реагируют и обращают внимание на обращение к ним (даже случайное) в женском роде. В качестве последнего примера лингвистка приводит следующую цитату учительницы: «Я, к примеру, больше обращаю внимание на мальчиков, это происходит, наверное, потому, что, когда я захожу в класс и там происходит какое-то действие, ведущая роль в нём – всегда у мальчиков: парни – девушки, мальчики – девочки. Я автоматически ставлю мальчиков на первое место. Возможно, это ещё и потому, что девочки более тихие, «забитые», они, как правило, за мальчиками только всё повторяют. Но, конечно, я не предпочитаю кого-то из них больше» [8, с. 99].

Словацкая лингвистика обращает внимание и на другую проблему, которая, в общем-то, является логическим продолжением первой, - **употребление названия в мужском роде по отношению к лицу женского пола**, напр. Профессор Иванова, менеджер Петрова, консультант Пекаровичева. Широкую огласку, например, получила история студентки из Братиславы по имени Ивица, которая произошла в 2009 году.

Этот случай описывает известный словацкий новостной Интернет-портал sme.sk. Статья называется «Женский род помешал контракту» и повествует читателю о том, что Ивица, студентка, которая недавно закончила университет, нашла работу, благополучно прошла собеседование и отработала испытательный срок, не смогла устроиться на работу, так как её не устроило слово „*сотрудник*“ вместо „*сотрудница*“ в трудовом договоре.

«Я хочу изменить в договоре несколько букв, для меня это важно», - написала Ивица в отдел кадров. Однако она столкнулась с непониманием: в отделе кадров Ивице ответили, что её просьба не стандартная, и изменять они ничего не станут.

«Будет ли мужчина подписывать контракт, который называет его сотрудницей? Нет. Я женщина, и я не могу быть сотрудником. Мы говорим на мужском языке. Женщины в этом языке не видно. Такой язык ставит их в покорное положение и дает господство мужчинам. Гендерно-чувствительный

язык не воспроизводит эти гендерные стереотипы и сексизм, он в равной степени говорит о мужчинах и женщинах. Используя язык, мы можем формировать общество, в котором мы живем», - говорит Ивица в интервью sme.sk, объясняя, почему для неё было так важно употребление женского рода в трудовом договоре.

«Несколько лет назад Словацкая Республика взяла на себя обязательство, подписав несколько международных конвенций и договоров, предпринять шаги для ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и устранения гендерных стереотипов. Тот факт, что в 21-м веке для кого-то необычно писать „*сотрудница*“ в трудовом договоре, является доказательством того, что почти ничего не было сделано», - заключает Ивица.

Работодатель также объяснил свою позицию: «Мы руководствуемся трудовым кодексом, что девушка не смогла понять. И если в трудовом кодексе используются только термины „*сотрудник*“ и „*работодатель*“, мы не можем изменить эти понятия».

Точку в споре поставил адвокат Венделин Бенкучки, который сказал, что с точки зрения закона не имеет значения, форма какого рода употреблена в договоре. Однако компания, куда Ивица хотела устроиться, отказалась принять её на работу.

Читатели портала также не остались равнодушными к этому происшествию. В комментариях к статье разгорелась целая дискуссия, причём наиболее часто встречалась негативная оценка действий студентки: «Они должны быть счастливы, что не подписали контракт с ней. Она, наверное, вместо работы занималась бы поиском всякой ерунды. Возможно, эта девушка великолепна в других аспектах, но если она считает эту формулировку сексизмом – с ней явно что-то не так. Я вовсе не против равных возможностей и уменьшения дискриминации в отношении женщин, соглашусь, что неравенство всё ещё существует... Но это?», «Ну, если мы боремся за то, чтобы в офисе были не только работники, но работники и работницы, то пусть и в воинской части будут не только представители, но и представительницы. Мне кажется, это очень эффектно и эффективно». Чуть реже встречаются комментарии, поддерживающие нейтральную позицию: «Я технарь, так что мне, в общем-то, всё равно, какого рода обращения используются... Но, в целом, меня рассмешило как желание изменить род слова, так и аргументация руководством отказа трудовым кодексом». На последнем месте по частоте – комментарии, поддерживающие инициативу Ивицы: «Я, конечно, во многом не могу согласиться с феминистками, но в данном случае, мне кажется, проблема в данной компании. Если бы парень прошел собеседование на должность воспитательницы, учительницы, поварихи, скорее всего, он тоже хотел бы, чтобы в трудовом договоре с ним

использовался грамматически правильный род – ведь язык позволяет это сделать, равно как и в случае с „*сотрудником*“ и „*сотрудницей*“ [23].

Таким образом, в данной главе были установлены следующие особенности функционирования феминитивов в словацком языке:

1. Феминитивы в словацком языке имеют относительно краткую историю своего развития, что объясняется поздним появлением кодифицированного словацкого языка. В ходе работы также установлено, что феминитивы являются своеобразным «зеркалом социальной жизни общества», так как их (не-) использование отражает потребность в них носителей языка в тот или иной период истории. Появившись в словацком языке в середине XIX века – в то время, когда, в сравнении с предыдущей эпохой женщинам стало доступно намного больше профессий – феминитивы закрепились в языке сразу в большом количестве и «составили пару» почти всем маскулитивам. Итогом такого исторического развития стало то, что словообразовательная система современного словацкого языка способствует появлению и закреплению в нём новых номинаций, использующихся для обозначения лиц женского пола;

2. В сфере функционирования феминитивов в словацкой лингвистике наиболее актуальным является вопрос их употребления при обращении к смешанной группе людей (т.е., состоящей из представителей обоих полов). Лингвистами предлагаются следующие пути решения этой проблемы:

- **радикальный** – использование названий в мужском и женском роде: „*študenti a študentky*“ ‘студенты и студентки’, „*učitelia a učiteľky*“ ‘учителя и учительницы’ и т.п.

- **умеренный** – стремление не указывать на род референтов, и, если контекст позволяет это сделать, либо заменять название смешанной группы лиц лексическим сочетанием, либо употреблять слова общего рода во множественном числе: вместо *работодатели и инвесторы* – *работодательные и инвесторские субъекты*, вместо *ученики и ученицы* – *учащиеся*.

ГЛАВА 3 ФЕМИНИТИВЫ В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Феминитивы в польском языке – явление, имеющее многовековую историю своего развития. Они существовали в польскоязычной среде на протяжении многих столетий, и большинство феминитивов фиксировалось в польских словарях разных веков. К давним и закрепившимся в польском языке феминитивам можно отнести: обозначения национальности/места проживания женщины (*Francuzka* ‘француженка’, *Litwinka* ‘литовка’, *Niemka* ‘немка’, *Polka* ‘полька’, *żydówka* ‘еврейка’, *Krakowianka* ‘краковчанка’); обозначения социального статуса/должности/профессии (*chłopka* ‘крестьянка’, *kowalka* ‘«кузнец» в ф. ж. р.’, *obywatelka* ‘гражданка’, *posiadaczka* ‘собственница, владелица’, *dziedziczka* ‘наследница’, *przyjaciółka* ‘приятельница’, *zarządczyni* ‘управляющая’, *krawczyni* ‘портниха’, *szlachcianka* ‘шляхтянка’); социально-психологические характеристики (*nędnica* ‘негодзяка’, *szkodnica* ‘проказница’, *wietrznica* ‘легкомысленная девушка’). Однако многие феминитивы (как правило, обозначающие профессии, должности, звания) не значились в словарях и с трудом воспринимались носителями языка. И если кодифицированный словацкий язык характеризуется большим количеством феминитивов, которые составляют пару едва ли не всем маскулинтивным формам, то в польском языке изменения в обществе отражались в языке с большим трудом. А потому история функционирования феминитивов в польском языке будет рассмотрена далее более подробно.

1. Функционирование феминитивов в польском языке в 1900–1930 гг.

Предметом дискуссий в данный период времени становились в первую очередь феминитивы, обозначающие профессии, звания, должности. Известный польский лингвист Зенон Клеменевич в статье «Титулы и названия профессий женщин в свете теории и практики» 1957 года отмечает: «С тех пор, как вопрос о титулах и названиях профессий женщин стал рассматриваться в нормативной плоскости, прошло уже полвека. С социальной точки зрения такой срок объясняется достижением женщинами процесса эмансипации, их обучением в школах разного вида и уровня, их участием в публичной жизни и доступу к профессиям в различных сферах умственного и физического труда. Первые сомнения по вопросу о том, как следует использовать эти названия, появились в начале века» [13, с. 101-102]. Интерес к тематике феминитивов всегда возрастал во времена значительного изменения положения женщин в социальной жизни общества, а потому обозначения званий, профессий и должностей в форме женского рода впервые стали предметом дискуссий в начале века – когда женщинам в Польше стало доступно образование и неразрешенные профессии, считавшиеся ранее «мужскими».

В 1897 г. полячки обрели право обучаться в университетах Львова и Кракова. Масштабы заинтересованности учебной деятельностью женщинами можно отразить и в цифрах: в 1909/10 учебном году в Ягеллонском университете было зарегистрировано 825 студенток. В Варшавский университет, учеба в котором стала доступной женщинам в 1916 году, в первый же учебный год поступило 94 студентки, что составило 9% всех студентов; в 1922/23 учебном году их уже было чуть более 28% [15, с. 271].

Следующим шагом на пути к эмансипации женщин стала возможность сдавать экзамены для получения высших учебных званий и работать в университетах. Первая ассистентка появилась в Ягеллонском университете в 1908 г., а уже к 1914 г. число женщин, работавших в университете, составляло более 10-ти человек [15, с. 273]. Первой женщиной в Польше, получившей высшую ученую степень стала Елена Гаевская, которой в 1920 г. было присвоено звание *docentky* ‘*доцентки’ философии и медицины [там же, с. 279].

1920-е годы характеризуются большим количеством дискуссий о нормативности употребления наименований женского рода, возникших на страницах виднейших лингвистических журналов того времени. Обсуждения вопроса использования феминитивов можно встретить во многих номерах журналов „Poradnik Językowy” ‘Языковой советник’ и „Język Polski” ‘Польский язык’. Анализ статей в этих журналах, посвященных вопросу использования феминитивов, показал, что носители языка того времени заняли две

диаметрально противоположные позиции: согласно первой, образование и повсеместное использование феминитивов необходимо, согласно второй – напротив, стоит придерживаться «маскулинитивной традиции» при обращении к женщинам либо упоминании о них.

В связи с обретением женщинами новых титулов в обществе появился вопрос: в форме какого рода следует эти титулы употреблять? Иначе говоря, именно в этот период времени появилась заинтересованность феминитивами, из чего следует, что важнейшая функция феминитивов – отражение социальной жизни общества.

Первые упоминания о феминитивах нами были найдены в одном из старейших и наиболее влиятельных польских лингвистических журналов – ежемесячнике „Poradnik Językowy” ‘Языковой советник’, а конкретно – в разделе «Вопросы и ответы». В данном разделе можно ознакомиться с вопросами читателей («обычных» носителей языка), и ответами на них профессиональных филологов, рассмотрев которые, можно «увидеть» полную картину восприятия феминитивов обществом в тот или иной промежуток времени.

В обозначенном разделе журнала в выпуске 1901г. встречается следующий вопрос (или, скорее, утверждение) читателя данного издания: «Новые названия женских профессий и титулов в польском языке никогда не образуются при помощи окончания «-owa», присоединённого к существительному м.р., потому что такая форма имеет значение 'жены'. И все, кто возглавляет женские общества и подобные им организации, имеют звание *prezesowuch* ‘председателей’, даже если они женского пола».

Следует обратить внимание на категоричность, с которой автор пишет о суффиксе «-owa». Исходя из написанного им, можно заключить, что на момент начала XX в. феминитивы чаще всего имеют значение ‘жена человека какой-либо профессии’, а не обозначают женщину, занимающуюся тем или иным видом деятельности. В подтверждение этого далее можно прочитать пример употребления слова с обозначенным суффиксом: «Часто можно встретить обращения и иные письма Общества учительниц, где всегда в роли возглавляющей указана *prezesowa* ‘председательница’ пани В. Желенская; из сего следует, что, собственно, директором Общества учительниц является пан Желенский, однако он – из-за недостатка времени или желания – не исполняет своих обязанностей, передав эту роль своей жене, хотя я не знаю, возможно ли это и согласованно ли с уставом Общества то, что жена исполняет функции своего мужа» [1, с. 106].

Ответ редакции был следующий: «Родовая дифференциация при помощи добавления суффикса к личной форме существительного в польском языке не

принята и не используется. Как правило, женские формы образуются при помощи суффикса «-ка», причём как присоединённым к полной форме м.р. без изменений (*chłop-ka* ‘крестьянка’, *kowal-ka* ‘кузнец» в ф. ж.р.’, *obywatel-ka* ‘гражданка’, *posiadacz-ka* ‘собственница, владелица’, *Francuz-ka* ‘француженка’, *Litwin-ka* ‘литовка’), так и с фонетическими изменениями (*piekarz* – **piekar-ka* ‘пекарь – *пекарька’, *dziedzic* – *dziedzicz-ka* ‘наследник – наследница’, *przyjaciel* – *przyjaciół-ka* ‘приятель – приятельница’, *Niemiec* – *Niem-ka* ‘немец – немка’, *Polak* – *Pol-ka* ‘поляк – полька’, *żyd* – *żyd-ów-ka* ‘еврей – еврейка’, *Krakowianin* – *Krakowian-ka* ‘краковчанин – краковчанка’, *szlachcic* – *szlachcian-ka* ‘шляхтич – шляхтянка’)... встречаются, однако, существительные с суффиксом «-ini» («-yni»): *klamczyni* ‘лгунья’, *zarządczyni* ‘управляющая’, *krawczyni* ‘портниха’, а также с суффиксом «-ica»: *nędznica* ‘негодзяка’, *szkodnica* ‘проказница’, *wietrznica* ‘легкомысленная девушка» [1, с. 106].

После ряда приведённых редакцией журнала примеров нормативных феминитивов указаны и окказиональные: «Не существует формы **szewczyni* ‘сапожница’, однако слово *szewcowa* ‘сапожница’ обозначает и ‘жену’, и название профессии; аналогично и слово **krawcowa* ‘портниха’ имеет два значения, **kupcowa* ‘купчиха’ – также, а потому не удивительно, что в этой категории обнаруживается и слово **prezesowa* ‘председательница’. Так как слово *prezeska* ‘председательница’ не употребляется, то, пожалуй, двусмысленности можно было бы избежать, используя польский аналог – слово **przewodnicząca* ‘председательница» [1, с. 107].

Во-первых, немалый интерес в данном ответе представляет собой слово «*prezesowy*» ‘председатель’ – существительное, имеющее характер прилагательного и обозначающее человека, занимающего должность председателя. В БСПЯ это слово отмечено стилистической пометой «устаревшее», аналоги его на сегодняшний день – слова *prezes* ‘председатель’ и *prezeska* ‘председательница’, которые не употреблялись на тот момент. Исходя из этого можно сделать вывод: данное существительное, имеющее вид прилагательного в ф. м. р., вышло из употребления и эволюционировало до двух отдельных существительных, имеющих чёткую родовую дифференциацию. Во-вторых, как уже было нами отмечено ранее, суффикс «-owa» на момент начала XX в. имел исключительно значение ‘жены’. И, в конце концов, согласно ответу редакции, наиболее продуктивной словообразовательной единицей при образовании феминитивов на тот момент был суффикс «-ка».

Вслед за этим вопросом от читателя в журнале размещён ещё один по рассматриваемой теме: «Разве согласуется с правилами польского языка то, что женщины, имеющие степень доктора наук, подписываются «доктор», как

мужчины?»). Ответ редакции следующий: «До сих пор в польском языке не было форм этой научной степени для женщин, так как это звание им не присваивалось, однако сейчас это явление встречается всё чаще, а значит, следует образовать эту форму по примеру следующих существительных: *aptekarz* – *aptekarka* ‘аптекарь – аптекарша’, *akuszer* – *akuszerka* ‘акушер – акушерка’, *blagier* – *blagierka* ‘хвастун – хвастунья’, *lektor* – *lektorka* ‘лектор – лекторша’, *znachor* – *znachorka* ‘знахарь – знахарка’, так же и *doktor* – *doktorka* ‘доктор – *докторка’ (выделение шрифта полужирным не моё – О.С.) , даже если отдельным лицам это будет не нравиться. Если женщинам будет дано право обучаться в университетах, вероятно, нам придется ввести также звание *magisterkę* ‘*магистрки’, а может и *adwokatkę* ‘*адвокатессы’, и мы не станем отрицать то, чего половое различие требует от логики языка».

Очевидно, что редакция журнала по вопросу феминитивов настроена весьма оптимистично. Автор ответа осознает номинативную потребность женщин, которая, в свою очередь, была вызвана увеличившимся числом женщин, получивших образование и начавших работать.

Следующее упоминание о именовании ж. р. обнаруживается в выпуске «Языкового справочника» 1930 г. Статья под названием «О форме женских фамилий» принадлежит создателю журнала – известному польскому лингвисту первой половины XX в., Роману Завилинскому. В статье Р.Завилинский цитирует письмо Министерства внутренних дел: «Министерство внутренних дел обращает внимание, что при упоминании о женщинах, занимающих государственные должности, форма их фамилий часто искажается из-за того, что власти беспрепятственно используют грамматически некорректные формы фамилий женщин, если таковые использовались, когда женщины вступали в свои служебные обязанности. Фамилии в форме женского рода следует образовывать согласно следующим правилам: <...> Вышеуказанные правила должны соблюдаться при издании указов о назначении в должности, и правильные формы женских фамилий, используемые в них, должны постоянно сохраняться во всех других официальных документах» [1, с. 108].

Процитировав это распоряжение, Р.Завилинский вносит некоторые комментарии к приведённым Министерством правилам образования женских фамилий. Нас будут интересовать следующие из них: «В пункте 2 нет точного указания, будет ли дочь *Nadolnego* иметь фамилию такую же, как её мать – *Nadolna* – или иную. До сих пор при образовании фамилий в ф. ж.р. мы искали аналоги среди уже существующих норм. К примеру, известно, что от старых польских званий, имеющих характер прилагательных *podczaszy* ‘*подчасий’ (виночерпий; заместитель чашника), *podstoli* ‘*подстолий’ (зам. стольника), *podkomorzy* ‘*подкоморий’ (судья по спорам о границах имений в

подкоморских судах) , *podskarbi* ‘подскарбий’ (королевский казначей) <...> формы ж.р. образуются при помощи суффиксов «-ina» и «-anka» <...> более новые существительные – *leśniczy* ‘лесник’, *chorąży* ‘знаменосец’, *zwrotniczy* ‘стрелочник’ – сохраняют использовавшиеся ранее формы для жен и дочерей: *podstolina* ‘жена стольника’ – *podstolanka* ‘дочь стольника’, *podkomorzyna* ‘жена *подкомория’ – *podkomorzanka* ‘дочь *подкомория’, *leśniczyna* ‘жена лесника’ – *leśniczanka* ‘дочь лесника’, *chorążyna* ‘жена знаменосца’ – *chorążanka* ‘дочь знаменосца’, *zwrotniczyna* ‘жена стрелочника’ – *zwrotniczanka* ‘дочь стрелочника’, и т.д.» [1, с. 108].

Комментируя правила образования женских фамилий, автор отдельно останавливается на различии фамилий для жен и дочерей, а в качестве примера приводит устоявшиеся в языке образованные от сущ. м.р. формы наименований ж.р. для жен – *podstolina* – и дочерей – *podstolanka*. Исходя из этого, можно сделать вывод: на момент 1930г. в польском языке всё ещё сохранялась традиция образования существительных в ф. ж.р. с разными суффиксами: «-ina» - для жены человека какой-либо профессии, «-anka» - для дочери.

К суффиксу «-ina», однако, автор имеет отдельное замечание: «Так как притяжательные суффиксы «-in», «-ina», «-ino» на сегодняшний день в общем утратили значение притяжательности и в словообразовании имеют значение уменьшения, пренебрежения, напр.: *chłopczyna* ‘паренёк, парнишка’, *babina* ‘старушка’ (в БСПЯ ‘обращение к женщине с сочувствием или жалостью’ – О.С.), *szewczyna* ‘сапожник’ (в БСПЯ – ‘пренебрежительно или с жалостью о сапожнике’ – О.С.), *pisarzyna* ‘писака’, *pijaczyna* ‘пьянчуга’ и т.д., то не удивительно, что при образовании женских фамилий этого суффикса стараются избегать и, вместо *Chmura* – *Chmurzyna*, *Śliwa* – *Śliwina*, *Sadza* – *Sadzina*..., можно услышать *Chmurowa* – *Chmurówna*, *Śliwowa* – *Śliwówna*, *Sadzowa* – *Sadzówna*, *Krupowa* – *Krupówna*... Таких форм, как *Wolicina-Wolicianka*, *Kolasina-Kolasianka*, *Plucina-Plucianka* сегодня стараются избегать, а вместо них образуют формы *Wolicowa*, *Kolasowa*, *Plutowa* и т.п. Не встречаются также формы типа *Strokowa*, *Strokówna*, если они образованы от ф. м.р. *Stroka*» [1, с. 110].

Свою статью Р.Завилинский завершает словами надежды на использование феминитивов обществом: «Остаётся лишь пожелать, чтобы это распоряжение вступило в силу как можно быстрее, и чтобы все учреждения начали использовать все возможности польского языка. Не менее значимо это распоряжение и для школ, где на сегодняшний день уже начала устанавливаться привычка писать фамилии учеников в форме м.р., а учительницы уже не могут «справиться» не только с иностранными (или еврейскими) фамилиями, но и с исконно польскими. Но, чтобы наконец

прекратилось это варварство в фамилиях, Министерство внутренних дел должно прекратить варварство в государственных званиях. И, если «Вышеуказанные правила должны соблюдаться при издании указов о назначении в должности, и правильные формы женских фамилий, использующиеся в них, должны постоянно сохраняться во всех других официальных документах» – то пусть исчезнут такие недоразумения, как „*została Pani⁵ mianowana adjunktem*” (выделение не моё – О.С.) ‘Пани назначается адъюнктом’ (адъюнкт – звание, присваиваемое младшему научному сотруднику в Польше – О.С.), а возле *adiunktów* ‘адъюнктов’, *referentów* ‘референтов’, *sekretarzy* ‘секретарей’ будут *adjunktki* ‘*адъюнктки’, *referentki* ‘*референтки’, *sekretarki* ‘секретарши’, *kancelistki* ‘канцеляристки’, *asesorki* ‘*асессорки’, *księgowie* ‘бухгалтерши’ [там же] (слово в примере имеет характер прилагательного, потому на ж.р. указывает окончание «-е», что и обусловило перевод слова нами окказиональным феминитивом – О.С.).

В «Вопросах и ответах» этого же выпуска журнала мы обнаружили вопрос читателя, также касающийся использования феминитивов: «Мы знаем, что польский язык богат, но мы не хотим или не умеем пользоваться этим богатством. Прежде всего, когда речь идет о женских формах существительных, мы как бы нарочно избегаем их использования, будто забывая о их существовании, и поэтому используем германизмы. Итак, мы говорим: *nauczyciel – nauczycielka* ‘учитель – учительница’, *prezes – prezeska* ‘председатель – председательница’, *piekarz – piekarka* ‘пекарь – *пекарька’ на манер латинского языка (*magister-magistra*). Мне кажется, неправильно говорить *pani nauczyciel* или *pani prezes*. Немецкому языку неведомы «женские» окончания, но в нём есть артикль, а мы, подражая немецкому языку, часто говорим *pani profesor*, *pani doktor*, объясняя это тем, что слова в таком словосочетании не склоняются, т.к. это титулы. Мне кажется, следовало бы говорить: *pani profesorka*, *pani doktorka*. Если кто-то говорит, что такие формы в польском языке не могут образовываться по причинам фонетическим – то это потому что мы не привыкли к такому звучанию. Ведь ещё 20 лет назад слово *prezeska* считалось неуместным, а сегодня почти все говорят и пишут *pani prezeska*. Или я не права?» [1, с. 109].

Исходя из формулировки вопроса, выдвинутое ранее предположение о эволюции слова *prezesowy* ‘председатель’ до форм м. р. *prezes* ‘председатель’ и ж. р. *prezeska* ‘председательница’ является верным, а использование феминитивов в польскоязычном обществе по-прежнему имело широкого распространения. Об этом свидетельствует и весьма краткий и лаконичный

⁵ «Pani» ‘пани’ – традиционная форма обращения к женщинам в Польше, использующаяся наряду с эквивалентной ей формой м. р. «pan» ‘пан’ (прим. О.С.).

ответ читателю: «Даже самая очевидная и бросающаяся в глаза причина не убедит упрямых, потому что против упрямства нет лекарства» [1, с. 109].

Немногим позже на страницах другого крупнейшего польского лингвистического журнала „Język Polski” ‘Польский язык’ также была затронута тема использования феминитивов. О феминитивах там впервые упоминается в издании 1931г. в рубрике «Ответы редакции», являющейся аналогом «Вопросов и ответов» в «Языковом справочнике». Вопрос читателя был следующий: «Как должна называться женщина, которая исполняет обязанности *prezesa* ‘председателя’, *sekretarza* ‘секретаря’ или *członka* ‘члена’ какой-либо комиссии? (или *prezeska* ‘председательница’?)» [11, с. 30-31].

Мнение редакционной коллегии «Польского языка» оказалось диаметрально противоположным изложенному выше мнению «Языкового справочника». А именно: «Этот вопрос определённым образом связан с окончаниями женских фамилий. Как они в некоторых случаях могут не иметь характерных женских окончаний, так и имена нарицательные иногда могут их не иметь. Раньше использовали одинаковые для двух родов формы слов: *kapłan* ‘жрец’ (верховный), *tłumacz* ‘переводчик’ (ещё в XIX в.), а на сегодняшний день к словам общего рода относятся *świadek* ‘свидетель’, *szpieg* ‘шпион’..., а значит, женщина может быть *członkiem* ‘членом’, а также *prezesem* ‘председателем’ и *sekretarzem* ‘секретарём’ [11, с. 30-31].

Исходя из проанализированных нами первых в польском лингвистическом пространстве упоминаниях о феминитивах, можно сделать следующие выводы:

1. В 1930 г. в польском языке всё ещё сохранялась традиция образования существительных в ф. ж. р. с разными суффиксами: «-ina» - для жены человека какой-либо профессии, «-anka» - для дочери.

2. В первой половине XX ст. суффиксы «-in», «-ina», «-ino» в польском языке имели значение уменьшения, пренебрежения, а потому являлись малопродуктивными при образовании женских форм фамилий.

3. В начале XX в. феминитивы не получили широкого распространения в обществе, а потому их использование являлось предметом дискуссий польскоязычного общества и разделило его на два лагеря: тех, кто считал образование феминитивов необходимым, и тех, кто придерживался «маскулинитивной традиции» при обращении к женщинам либо упоминании о них.

1.1 Феминистические журналы Польши XX в.

1920-е годы знаменуются также появлением большого числа журналов феминистической направленности, однако в рамках данной дипломной работы

рассмотреть эти многочисленные издания не представляется возможным, ввиду чего будет обращено внимание лишь на крупнейшие из журналов указанной тематики. К ним относятся следующие:

„Ewa” ‘Ева’ – один из наиболее популярных феминистических журналов того времени. Еженедельник был посвящен жизни евреек в Польше и Палестине, в нем также зачастую поднимался вопрос процесса эмансипации женщин по всему миру. Журнал издавался с 1928 г. по 1933 г. под ред. Паулины Аппеншлак [7];

„Głos Kobiet” ‘Голос женщин’ – газета Центрального отдела женщин Польской социалистической партии, которая выходила с 1908 г. по 1939 г. Журнал был адресован женщинам с целью активизации их общественно-политической деятельности [9];

„Kobieta Współczesna” ‘Современная женщина’ – еженедельник, издававшийся с 1918 г. по 1939 г. Журнал пропагандировал равные права женщин и мужчин в социальной, политической, научной и культурной сферах деятельности. Также в редакции журнала размещалась резиденция Польского общества женщин с высшим образованием [14];

Nowe Słowo ‘Новое слово’ – «феминистический социально политический журнал», издававшийся с 1902 г. по 1907 г. под ред. Марии Тужимы. Основными темами, обсуждаемыми в «Новом слове», было равноправие женщин в обществе, правовые и социальные аспекты образования, рынок труда, материнство, брак и проституция [18].

Названные издания интересны не только темами, которые поднимаются на их страницах, но весьма любопытны они и с лингвистической точки зрения. Учитывая их тематически феминистическую направленность, не удивительно, что, в то время как на страницах «Языкового справочника» и «Польского языка» лишь обсуждался вопрос использования наименований женского рода в речи, редколлегией феминистических журналов он уже был решён однозначно – в пользу употребления оных. Доказательством этого служат феминитивы, обнаруженные посредством метода случайной выборки в изданиях разных лет:

„Ewa” ‘Ева’: *aranżerka* ‘*аранжировщица’, *stróżka* ‘сторожиха’, *adwokatka* ‘*адвокатка’, **policjantka* ‘милиционерша’, **premierka* ‘«премьер-министр» в ф. ж. р.’, **kapelmistrzynia* ‘*дирижёрка’, *żydówka* ‘еврейка’, *profesorka* ‘*профессорка’, *literatka* ‘литераторша’, *redaktorka* ‘редакторша’, *adwokatka* ‘адвокатесса’, **dyktatorka* ‘*диктаторша’, *zwolenniczka* ‘сторонница, приверженка’, *członkinia* ‘«член (общества, организации)» в ф. ж. р.’, *urzędniczka* ‘чиновница’, *krawcowa* ‘портниха’, *sekretarka* ‘секретарша’, *delegatka* ‘делегатка’;

„Głos Kobiet” ‘Голос женщин’: *kobieta-proletariuszka* ‘женщина-пролетарка’, *towarzyszka* ‘*товарищка’, *referentka* ‘докладчица, *референтка’, *robotnicza* ‘работница’, *przewodnicząca* ‘руководительница’, *zastępczyni*

‘заместительница’, *sekretarka* ‘секретарша’, *skarbniczka* ‘«казначей» в ф. ж. р’. В данном контексте следует отметить ярко выраженный социалистический характер обнаруженных феминитивов, что объясняется социалистической тематической направленностью данной газеты;

„Kobieta Współczesna” ‘Современная женщина’: *gimnazistka* ‘гимназистка’, *studentka* ‘студентка’, *absolwentka* ‘выпускница’, *licencjantka* ‘*лицейстка’, *doktorka* ‘*докторка’, *docentka* ‘*доцентка’. В данном контексте следует отметить ярко выраженный «учебный» характер обнаруженных феминитивов;

„Nowe Słowo” ‘Новое слово’: **misyonarka* ‘миссионерка’, *lekarka* ‘врачиха’, *doktorka* ‘*докторка’, *prezeska* ‘председательница’, *redaktorka* ‘*редакторша’, *powieściopisarka* ‘романистка’, *autorka* ‘*авторка’, *propagatorka* ‘пропагандистка’, *poetka* ‘поэтесса’, *pisarka* ‘писательница’, *kapłanka* ‘жрица’, *prorokinia* ‘прорицательница’, *sufrażystka* ‘суфражистка’, *malarka* ‘художница’, *pastorowa* ‘пасторша’.

Данная случайная выборка феминитивов наглядно показывает, что все вышеназванные журналы солидарны друг с другом в вопросе использования наименований женского рода в пользу употребления таковых. Однако эта солидарность обнаруживается лишь при употреблении феминитивов в форме ед. ч. В ходе исследования было замечено, что при упоминании группы женщин либо смешанной группы (состоящей из представителей обоих полов), на страницах разных изданий встречались различные формы. Так, к примеру, при упоминании смешанной группы людей в журнале „Nowe Słowo” ‘Новое слово’ употреблялась и феминитивная, и маскулитивная формы: «*Комитет рассчитывает на активную деятельность участников и участниц...*»; «*К докладчикам и докладчицам была адресована просьба...*»; «*В южной Австралии во время последних выборов проголосовало 59% избирателей и 42% избирательниц...*» [18].

В журнале „Głos Kobiet” ‘Голос женщин’ подобное явление встречается лишь единожды: «*На многочисленные вопросы товарищей и *товарищек...*». Чаще всего, при упоминании группы людей в данном журнале использовались собирательные существительные либо употреблялся приём синекдохи: «*трудоустроенный ребёнок*», «*рабочая молодёжь*» и т.д. [7].

Употребление приёма синекдохи встречался и в „Ewe” ‘Еве’: «*Летом каждый из жителей Парижа скрупулезно изучает карту Франции...*» «*Парижанка начинает думать о себе...*» (о том, что женщины летом больше за собой ухаживают); «*Зачастую требуется много сил, чтобы найти продавицу, которая потрудились бы проводить клиента к кассе, чтобы он мог заплатить за товар...*»; «*Работницы магазина (досл. *panienki sklepowe* ‘магазинные девушки’) охотно обслуживают клиента...*»; «*В таком случае проситель не получит подтверждения чиновника...*»; «*Новое постановление*

должно найти признание среди нас, евреев...»; «И если за сто лет читатель...» [7].

В приведённых выше примерах прослеживается следующая тенденция: род существительных, обозначающих группу лиц, выбирается авторами исходя из их понимания «типичного представителя» обозначаемой группы лиц, напр. «продавщица», «работницы магазина» - слова ж. р., а «чиновник» и «клиент» - мужского. Таким образом, очевидно, что в данном случае феминитивы исполняют функцию отражения социальной жизни общества, так как их использование указывает на типичного по понятиям тех лет представителя профессии, в остальных же случаях они заменяются эквивалентными им маскулитивными формами.

В журнале „Kobieta Współczesna” ‘Современная женщина’ ситуация с использованием феминитивов при упоминании группы лиц оказалась однозначной – в пользу отказа от них: «*Это требует содействия со стороны образованных врачей, гигиенистов и санитаров...*»; «*Организации, подготавливающие сотрудников...*»; «*При определении кандидатов на обучение учитывались также женщины...*» [14]. Последний пример особенно показателен: речь в предложении идёт о том, что на обучение определяются кандидаты, среди которых есть женщины, соответственно, среди них присутствуют представители обоих полов, однако группа кандидатов все равно была обозначена маскулитивной формой мн. ч. представителя профессии, должности. Таким образом, в данном журнале реализовано употребление приёма синекдохи.

1.2 Функционирование феминитивов в польском языке в 1930-х – 1960-х гг. XX в.

1930-е годы привнесли в польский язык новые феминитивные формы: к 1932 г. носителями языка стали использоваться феминитивы *posłanka* ‘*посланка’ и *senatorka* ‘*сенаторка’, однако слова *profesorka* ‘*профессорка’, *doktorka* ‘*докторка’ и *architektka* ‘*архитектка’ все ещё являлись спорными для польскоязычного общества. В качестве альтернативы феминитивам предлагалась их замена синтаксическими конструкциями и иными формами, напр.: указание на родовую принадлежность при помощи местоимения: *ten sędzia* ‘этот судья’ и *ta sędzia* ‘эта судья’; отнесение сущ., обозначающих звание, должность, профессию в форме м. р. к нейтральному по смыслу роду, общему для женщин и мужчин: *ona jest męznym człowiekiem* ‘она – мужественный человек’, *ona jest doskonałym pedagogiem (świetnym psychologiem)* ‘она – превосходный педагог (замечательный психолог)’ [2, с. 91-92].

В последний раз в довоенное время эта тема поднимается на страницах лингвистического журнала „Język Polski” ‘Польский язык’. В статье под

названием «По вопросу о обозначении профессий при обращении к женщинам» известный польский лингвист Игнаций Веневский пишет: «Небольшая общественная революция, которая произошла в обществе в связи с получением женщинами должностей, ранее занимаемых только мужчинами, застигла польский язык абсолютно неподготовленным и вызвала замешательство в языке, с которым мы до сих пор не смогли справиться». Далее автор отмечает, что современное ему общество «оказалось под силой влияния убеждений, что этими профессиями, в сущности, могут заниматься только мужчины», а потому проблема употребления феминитивов была решена тем, что «по отношению к женщинам использовались те же названия профессий и должностей, что и по отношению к мужчинам» [2, с. 114-115].

После войны вопрос употребления феминитивов вновь стал актуальным в обществе. Одним из самых значимых трудов по этой тематике в послевоенное время стала уже упоминаемая статья лингвиста Зенона Клеменевича «Титулы и названия профессий женщин в свете теории и практики» 1957 года. В ней филолог обобщил все имеющиеся на тот момент сведения и результаты дискуссий в лингвистических журналах о феминитивах и систематизировал эту информацию. Говоря о семантико-словообразовательном аспекте феминитивов, Клеменевич отмечает, что на момент написания статьи в обществе закрепились две тенденции: образование окказиональных феминитивов «в пару» к их маскулинитивным эквивалентам и употребление при обращении к женщинам слов в форме м. р., и какая из этих тенденций «победит» - неизвестно, однако лингвист предпринял попытку спрогнозировать дальнейшее развитие феминитивов в польском языке, детально рассмотрев каждую из этих тенденций.

В конце концов, автор, анализируя наличие маскулинитивов и феминитивов в разных словарях, приходит к выводу: «К сожалению, указания наших словарей не верны, так как при наличии большого числа наименований мужского рода, мы наблюдаем отсутствие эквивалентных им женских форм, хотя они, несомненно, существуют. <...> В новом словаре польского языка Тжаски, Едварда и Михальского (словарь 1935г. выпуска – О. С.) мы не найдем даже таких употребляемых форм, как *artystka* ‘артистка’, *farmaceutka* ‘*фармацевтка’, **eksternistka* ‘*экстернистка’, *dyplomatka* ‘«дипломат» в ф. ж. р.’» [13, с. 104].

Для данного исследования работа Клеменевича представляется особо важной, так как в ней исследователь приводит множество примеров феминитивов, закрепившихся в языке и используемых в своей речи носителями языка в тот период времени. Кроме того, в данной работе указаны мотивирующие к феминитивам маскулинитивные формы в разных сферах:

1. в области профессий: *bieliźniarz – bieliźniarka* ‘«белошвейка» в форме м. р. и ж. р.’, *bandos – bandoska* ‘батрак – батрачка’, *flis – *flisaczka* ‘«плотовщик» в форме м. р. и ж. р.’, *dróżnik – dróżniczka* ‘дорожный мастер’ в форме м. р. и ж. р., *kucharz – kucharka* ‘повар – повариха’, *pasterz – pasterka* ‘пастух – пастушка’, *brakownik – brakownicza* ‘браковщик – браковщица’, *ochmistrz – ochmistrzyni* ‘гувернер – гувернантка’, *pomocnik – pomocniczka* ‘помощник – помощница’, *działacz – działaczka* ‘деятель – деятельница’, *dozorca – dozorczyńni* ‘надзиратель – надзирательница’, *donosiciel – donosicielka* ‘доносчик – доносчица’, *chlebowdawca – chlebowdawczyńni* ‘благотворитель – благотворительница’;

2. в общественной жизни: *pan – pani* ‘пан – пани’, *asan – asani* ‘сударь – сударыня’, *družba – družka* ‘друг жениха – подруга невесты’;

3. некоторые характеристики: *biedak – biedaczka* ‘бедняк – беднячка’, *bezecnik – bezecnica* ‘негодяй, мерзавец – негодяйка’, *brzydał – brzydula* ‘уродец – дурнушка’, *bywalski – bywalska* ‘«завсегдаятай» в форме м. р. и ж. р.’, *drugoklasista – *drugoklasistka* ‘второклассник – второклассница’, *dowcipniś – *dowcipnisia* ‘шутник – шутница’, *cudzoziemiec – cudzoziemka* ‘иностранец – иностранка’, *grymaśnik – grymaśnica* ‘каприза, привереда’ в форме м. р. и ж. р., *garbus – garbuska* ‘горбун – горбунья’, *gruźlik – gruźliczka* ‘туберкулезник – туберкулезница’, *grubianin – grubianka* ‘грубиян – грубиянка’;

4. обозначения родственных связей: *stryj – stryjenka* ‘дядя – тетя (со стороны отца)’, *bratanek – bratanica* ‘племянник – племянница (дети брата)’, *chrześniak – chrześniaczka* ‘крестник – крестница’;

5. названия национальностей и жителей стран, городов: *Greki – Greczynka* ‘грек – гречанка’, *Japończyk – Japonka* ‘японец – японка’, *Anglik – Angielka* ‘англичанин – англичанка’, *Polak – Polka* ‘поляк – полька’, *Ślązak – Ślązaczka* ‘силезец – силезка’, *paryżanin – paryżanka* ‘парижанин – парижанка’, *wiedeńczyk – wiedenka* ‘венец – венка’, *krakowianin – krakowianka* ‘краковчанин – краковчанка’ и т.д. [13, с. 103].

Немаловажным является также выделенный ученым класс слов, не имеющих эквивалентов в форме ж. р. Лингвист такие наименования классифицирует на следующие подгруппы (в зависимости от причин отсутствия феминитивных форм):

1. слова, характеризующие свойства и качества, присущие только мужчинам: *chwat* ‘удалец’, *zuch* ‘смельчак, храбрец’, *bursz* ‘корпорант’, *fanfaron* ‘фанфарон’, *birbant* ‘кутила, гуляка’, *chuligan* ‘хулиган’, *epuzer* ‘жених’, *dziewkarz* ‘бабник’, *cywil* ‘гражданский, невоенный’, *andrus* ‘беспризорник’;

2. названия профессий, исполняемых исключительно мужчинами: *bartnik* ‘бортник’, *budarz* ‘строитель’, *dudziarz* ‘волынщик’, *dorożkarz* ‘извозчик, кучер’, *drwał* ‘дровосек’, *cieśla* ‘плотник’, *kowal* ‘кузнец’, *kominiarz* ‘трубочист’;

3. военные звания: *marszałek* ‘маршал’, *general* ‘генерал’, *brygadier* ‘бригадир’, *admiral* ‘адмирал’, *pulkownik* ‘полковник’, *chorążу* ‘знаменосец’.

4. устаревшие исторические названия профессий и видов деятельности, исполняемых только мужчинами: *podkomorzy* ‘*подкоморий’, *podskarbi* ‘подскарбий’, *stolnik* ‘стольник’, *hetman* ‘гетман’, *ataman* ‘атаман’, *archont* ‘архонт’, *faryzeusz* ‘фарисей’, *dekabrysta* ‘декабрист’, *filareta* ‘филарет’, *filomata* ‘филомат’.

5. названия духовной иерархии: *arcypasterz* ‘архипастырь’, *archijerej* ‘архиерей’, *archimandryta* ‘архимандрит’, *metropolita* ‘митрополит’, *biskup* ‘бискуп’, *kapelan* ‘капеллан’ (хотя и в это сфере есть исключения: пары слов *kapłan* ‘жрец’ і *kapłanka* ‘жрица’, а также *papież* ‘папа римский’ и *papieżуca* ‘супруга папы римского’) и т.д. [13, с. 104].

2. Феминитивные словообразовательные единицы польского языка. Функционирование феминитивов в польском языке в конце XX в. – нач. XXI в.

В последней четверти XX века польские лингвисты преимущественно склонялись к употреблению маскулинитивов по отношению к женщинам, приводя множество доводов в защиту этой позиции. В этом контексте следует отметить пособие „Kultura języka polskiego” ‘Культура польского языка’ 1982 г. – работу польских лингвистов, авторами которой обобщены важнейшие тенденции развития современного польского языка с точки зрения орфоэпической, лексической, морфологической, синтаксической и стилистической норм. В указанном издании рассмотрена семантика феминитивных словообразовательных единиц польского языка, а также выявлены ограничения употребления феминитивов.

Так, наиболее продуктивной феминитивной словообразовательной единицей в польском языке авторами указанной работы признается суффикс «-k(a)», который, однако, в ряде случаев не может употребляться при образовании феминитивов.

К примеру, возможным эквивалентом маскулинитива *inżynier* ‘инженер’ могло бы быть слово *inżynierka* ‘*инженерка’, однако это существительное уже используется носителями языка как синоним слова «инженерия» (ср. *on studiuje inżynierkę – inżynierię* ‘он изучает инженерию – *инженерку’). Подобное явление иллюстрируют также сущ. *monterka* ‘*монтерка’ (ср. *on zajmuje się monterką, tzn. jest monterem, uprawia zawód montera* ‘он занимается *монтеркой, т.е. он монтер, занимает должность монтера’) и *grawerka* ‘*граверка’ (это слово кроме рассмотренного нами значения имеет также иное – является названием инструмента – прим. автора). Производное от *kolej* ‘железная дорога’ слово *kolejarka* ‘*колейка’ функционирует в знач. ‘фуражка железнодорожника’, *szoferka* ‘*шоферка’ — ‘кабина шофера’. Это слова, которые вошли в обиход раньше, чем появилась потребность использовать их же в качестве обозначения женщин, исполняющих профессии инженера, монтера, фрезеровщика и железнодорожника. Кроме того, эти лексемы принадлежат к разговорному стилю речи, а потому – они не нейтральны с точки зрения стилистики. Этот факт, в свою очередь, может значительно осложнить использование приведённых примеров в функции феминитивов в официальном стиле речи.

Принадлежность словообразовательного типа обозначенному стилю речи – ещё один фактор, препятствующий образованию анализируемой категории от маскулинитивов на «-owiec». А потому единственный формант, который может использоваться в данной функции – суффикс «-ka». Прибавление этого суффикса к основе слова ведёт к изменению гласной «o» на «ó». В результате преобразования получается сущ. ж. р., которое оканчивается на «-ówka», что, в свою очередь, со стилистической точки зрения придаёт ему особые характеристики, а также способность универбизации связей слов, которые, как правило, использовались в качестве названий предметов, а не

людей. Феминитивы, эквивалентные маскулинитивам на «-owiec» (ср. *radiowiec* — *radiówka* ‘радиоведущий – оркестр радио’ или *stoczniowiec* — *stoczniówka* ‘судостроитель – судостроительная сфера’) по вышерассмотренным нами причинам в словообразовании не могут восприниматься как нейтральные. Дериваты от слов на «-owiec» образуют многочисленный с точки зрения лексической и продуктивный – с точки зрения словообразования – класс слов; они образуют не только группу слов, обозначающих принадлежность людей какой-либо профессии, но и приверженцев разных течений, групп и организаций. (ср. *kościuszkowiec* ‘солдат дивизии имени Костюшко’, *pezetpeerowiec* ‘член польской объединенной рабочей партии’, *miczurinowiec* ‘мичуринец’ и т.д.). И, хотя словообразовательная система польского языка не предусматривает возможности образования феминитивов от маскулинитивов на «-owiec» при помощи форманта «-ka» («-ówka») ввиду стилистических ограничений, всё же он остаётся единственным вариантом решения проблемы обозначения женщин от маскулинитивной основы слова.

На невозможность использования некоторых феминитивов также может влиять фактор привычки носителей языка. К примеру, нет никаких формальных препятствий образования феминитивов от маскулинитивов на «-log» при помощи суффикса «-k(a)», напр. *psycholog* > **psycholożka* ‘психолог > *психоложка’, *socjolog* > **socjolożka* ‘социолог > *социоложка’ и т. д. Однако даже самые ярые противники отсутствия дифференциации существительных обозначенных нами выше лексических категорий не считают данные дериваты успешными. Приведённые примеры настолько нетрадиционны для польского языка, что кажутся, скорее, смешными и не серьезными. Эти слова иногда встречаются в разговорной речи поляков, однако, как правило, они носят шутивную окраску.

Кроме того, препятствием при образовании существительных анализируемой категории могут стать фонетические и морфологические ограничения. Они делают невозможным, например, образование суц. ж. р. от слов м. р. типа «architekt» ‘архитектор’, заканчивающихся слиянием нескольких согласных. Невозможность образования дериватов вызвана сложностями артикуляции при произнесении образованных слов.

Иных формантов, кроме суффикса «-ka», используемых для образования феминитивов, в современном польском языке нет. Существует, конечно, суффикс «-ini» («-yni»), но сфера его применения крайне ограничена. С его помощью образуются дериваты от суц. на «-ca», малопродуктивные на сегодняшний день (ср. *odkrywca* — *odkrywczyini* ‘открыватель - *открывательница’, *krwiodawca* — *krwiodawczyini* ‘донор - «донор» в ф. ж. р.’), иногда он также присутствует в связке с элементом в «-mistrzyni» (ср. *kapelmistrz* — *kapelmistrzyni* ‘дирижёр - «дирижёр» в ф. ж. р.’), также редко использующимся в современном польском языке. Для образования новых форм слов этот суффикс не может использоваться, т.к. такая традиция в польском языке еще не утвердилась. Окказионализмы типа «*filologini» ‘филологиня’ («филолог» в ф. ж. р.), «*psychologini» ‘психологиня’ («психолог» в ф. ж. р.),

носителями языка по причине традиции так же неприемлемы, как и слова «**filolożka*» ‘*филоложка’ («филолог» в ф. ж. р.), или «**psycholożka*» ‘*психоложка’ («психолог» в ф. ж. р.).

Суффикс «-ica» также не может исполнять функции нейтрального феминитивного указателя. Исторически при помощи этого суффикса образовывались названия самок животных (ср. *wilk* — *wilczyca* ‘волк-волчица’, *tygrys* — *tygryska* ‘тигр-тигрица’, *mors* — *morska* ‘морж-моржиха’ и т.д.), а также слов, носящих экспрессивный характер (ср. *mecenas* — *mecenasica* ‘меценат-меценатка’, *szef* — *szefka* ‘шеф-шефиня’ и т.д.)

Суффикс «-owa» также имеет свою особую функцию: с его помощью образуются имена притяжательные, иначе говоря, характеризующие женщину «через» профессию или должность её мужа (ср. *inżynierowa* ‘инженерова’ ‘жена инженера’, *architektowa* ‘архитекторова’ ‘жена архитектора’, *profesorowa* ‘профессорова’ ‘жена профессора’ и т.д.). Такое семантическое значение форманта «-owa» исторически слишком сильно устоялось в сознании говорящих, чтобы оно смогло измениться на обозначение женщин некой профессии или носительниц научных званий [2, с. 109-114].

На основании вышеизложенного, авторами «Культуры польского языка» сделан вывод, что на употребление феминитивов в первую очередь влияют причины внутриязыковые, а не внеязыковые.

Эта точка зрения преобладала в польской лингвистике вплоть до недавнего времени. Данное утверждение подтверждает постановление Совета польского языка, принятое лингвистами на конференции 2012 года.⁶

На обозначенной конференции лингвисты отметили, что в польском по-прежнему имеют место морфологические ограничения, препятствующие образованию феминитивов: «Имена существительные женского рода в польском языке создаются в основном из мужских имен с использованием суффикса «-k(a)» (ср. *nauczyciel* — *nauczycielka* ‘учитель’ — ‘учительница’, *socjolog* — *socjolożka* ‘социолог — *социоложка’ («социолог» в ф. ж. р.) или «-ini» / «-yni» (*władca* — *władczyni* ‘правитель, повелитель’ — ‘повелительница’). Окончание «-a» используется, когда мы имеем дело с прилагательным, напр., *przewodniczący* — *przewodnicząca* ‘председатель’ — ‘председательница’, *służący* — *służąca* ‘служащий’ — ‘служащая’, *habilitowany* — *habilitowana* ‘доктор наук’. Его использование для создания имен существительных, обозначающих профессии и должности не имеет традиции в польском языке, однако предложение носителей языка его использовать в формах типа *ministra* ‘министра’ («министр» в ф. ж. р.), *premiera* ‘премьера’ («премьер-министр» в ф. ж. р.) или *profesora* ‘профессора’ («профессор» в ф. ж. р.), вероятно, связано с тем, что потенциально возможные формы *ministerka*, *premierka*, *profesorka*

⁶ Совет польского языка – это организация при Президиуме польской академии наук, в которую входят лингвисты, решающие различные проблемы употребления функционирования языка: преподавания польского языка, его употребления в религиозной и административно-правовой сфере, использования в области медицины, информационных технологий и проч. На сегодняшний день Совет польского языка – это наиболее авторитетная организация в вопросах существования и функционирования польского языка (прим. О.С.).

воспринимаются как разговорные (напр., *profesorka*) или указывают на малый размер десигната (напр., *premierka* – суффикс «-k(a)» в польском языке также носит уменьшительно-ласкательный характер)» [15].

Также лингвисты обратили внимание на употребление женских фамилий: «Уже не один десяток лет в официальном польском языке не используются женские формы фамилий за исключением прилагательных. Фамилия Новак или Родзевич относится в равной степени к мужчинам и женщинам, и, следует отметить, сопротивления со стороны женщин этот факт не вызывает. Женские формы названий профессий и должностей являются систематически допустимыми. Если в большинстве названий профессий и должностей данные номинации до сих пор не используются носителями языка – то лишь по той причине, что они вызывают негативную реакцию людей, говорящих на польском языке. Это, конечно, можно изменить, если общество убедится в том, что женские формы рассматриваемых нами именовании необходимы, а их использование будет свидетельствовать о равноправном положении женщин в сфере профессиональных обязанностей и выполнения функций» [21].

В ноябре 2019 года Советом польского языка была проведена новая конференция, на которой лингвистами также затрагивается вопрос употребления феминитивов. В ходе его обсуждения членами Совета отмечено: «С 2012 года, когда нами было опубликовано последнее заявление по этому вопросу, произошли существенные изменения в общественном сознании и польском языке». Советом сделана краткая характеристика употребления феминитивов в польском языке на протяжении всего предыдущего столетия: «В начале XX века преобладала тенденция регулярного образования феминитивов, но параллельно с ней существовала также противоположная тенденция – обозначение форм женского рода при помощи существительного *pani* ‘пани’, предшествующего маскулинитивной форме (*pani doktor* ‘пани доктор’), либо при помощи составных конструкций типа *nasza dyrektor zdecydowała* ‘наша директор решила’. Последняя тенденция во второй половине XX века стала наиболее часто используемой, особенно при обозначении новых профессий или особо престижных должностей. Однако в 90-х годах формы имен существительных женского рода значительно распространились; в языке устоялись такие слова как *socjolożka* ‘*социоложка’ («социолог» в ф. ж. р.), *polityczka* ‘*политичка’ («политик» в ф. ж. р.) или *posłanka* ‘*посланка’ («посол» в ф. ж. р.)».

Члены Совета польского языка пришли также к выводу, что многие ограничения в употреблении феминитивов не имеют основания: «Большинство аргументов против образования форм женского рода безосновательны. Одинаковое звучание форм женского рода и слов с иным значением, напр. *pilotka* ‘пилотка’ как женщина и разновидность головного убора, не составит

для носителей языка больше проблем, чем, к примеру, одинаковое звучание форм напр. *pilot* 'пилот' в знач. 'личность' і *pilot* 'пульт' в знач. 'устройство для удалённого управления'».

Окончательным же решением этой конференции было следующее заявление: «Спор о формах женского рода при обозначении профессий и должностей не может быть решён ни с помощью обращения к языковой традиции (к слову, в этом отношении разнообразной), ни при обращении к правилам языка. Стремление к симметрии родовой системы имеет общественные основания; лингвисты могут только комментировать эту ситуацию. Право на использование форм женского рода при обозначении профессий и должностей стоит оставить за говорящими, помня о том, что вместе с провозглашёнными в медиа призывами образования феминитивов существует противостояние их использованию. <...> Совет польского языка при Президиуме Польской академии наук признает, что в польском языке необходима бóльшая, возможно, более полная симметрия форм м. р. и ж. р. при обозначении профессий и должностей в словаре. Использование форм женского рода в речи носителей языка <...> является признаком того, что говорящие чувствуют необходимость повышения значения женщин в языке и текстах. Однако нет необходимости использовать конструкции типа *Polki* 'полячки' и *Polacy* 'поляки', *studenci* 'студенты' и *studentki* 'студентки', потому что в таких случаях формы имён существительных м. р. могут применяться к обоим полам» [22].

Таким образом, на основании приведенных материалов можно сделать вывод, что вопрос существования и функционирования феминитивов в польском языке по-прежнему широко обсуждается в обществе и не имеет однозначного решения, и лишь со временем можно будет ответить, будут ли использоваться феминитивы наряду со всеми их маскулитивными парами. Иные выводы о функционировании феминитивов в польском языке приведены в Заключении.

Заключение

В данной работе исследованы структура, семантика и функционирование феминитивов в словацком и польском языках.

В работе употреблены такие понятия как «*феминитивы*», «*маскулинитивы*», «*феминитивизация*» и «*маскулинитивизация*». Также в рамках проводимого исследования использованы следующие термины, обозначающие равный по половой принадлежности язык: (*гендерно-*) «*корректный*», «*симметричный*», «*чувствительный*», «*нейтральный*» и «*компетентный*» язык.

Посредством *исторической интерпретации* были выявлены следующие закономерности:

1. Феминитивы в словацком языке имеют относительно краткую историю своего развития, что объясняется поздним появлением кодифицированного словацкого языка. В ходе работы также установлено, что феминитивы являются своеобразным «зеркалом социальной жизни общества», так как их (не-) использование отражает потребность в них носителей языка в тот или иной период истории. Появившись в словацком языке в середине XIX века – в то время, когда, в сравнении с предыдущей эпохой женщинам стало доступно намного больше профессий – феминитивы закрепились в языке сразу в большом количестве и «составили пару» почти всем маскулинитивам. Итогом такого исторического развития стало то, что словообразовательная система современного словацкого языка способствует появлению и закреплению в нём новых номинаций, используемых для обозначения лиц женского пола;

2. Номинации в форме женского рода в польском языке существовали на протяжении многих десятилетий и закрепились в сознании носителей языка, а потому, когда в обществе возникла потребность появления новых феминитивов, многими лингвистами и польскоязычными людьми они были восприняты с трудом, о чем свидетельствуют материалы, рассмотренные в главе 2.

В ходе *лингвистического наблюдения* и анализа отношения носителей исследуемых языков к феминитивам и отдельным словообразовательным единицам в них, путем *синтеза* полученные данные обобщены и сформулированы следующие *индуктивные умозаключения*:

1. В сфере функционирования феминитивов в словацкой лингвистике наиболее актуальным является вопрос их употребления при обращении к смешанной группе людей (т.е., состоящей из представителей обоих полов). Лингвистами предлагаются следующие пути решения этой проблемы:

- **радикальный** – использование названий в мужском и женском роде: „*študenti a študentky*“ ‘студенты и студентки’, „*učitelia a učiteľky*“ ‘учителя и учительницы’ и т.п.

- **умеренный** – стремление не указывать на род референтов, и, если контекст позволяет это сделать, либо заменять название смешанной группы лиц лексическим сочетанием, либо употреблять слова общего рода во множественном числе: вместо *работодатели и инвесторы* – *работодательные и инвесторские субъекты*, вместо *ученики и ученицы* – *учащиеся*.

2. История функционирования феминитивов в польском языке разительно отличается от аналогичной в словацком. Первая половина XX века характеризуется распространением двух точек зрения в вопросе употребления номинаций в форме женского рода: согласно первой, повсеместное использование феминитивов необходимо, согласно второй – напротив, стоит придерживаться «маскулинитивной традиции» при обращении к женщинам либо упоминании о них. Вторая половина XX в. преимущественно негативным отношением к употреблению феминитивов, выражающаяся в рекомендациях лингвистов носителям языка стоит использовать в свое речи давно закрепившиеся наименования женского рода. Образование новых феминитивов признавалось проблематичным для польского языка по причине многочисленных ограничений. Польский язык XXI века к вопросу употребления феминитивов относится весьма лояльно: право использования феминитивов предлагается оставлять за говорящими, а признававшиеся ранее ограничения, препятствующие употреблению феминитивов, лингвистами признаются как безосновательные.

Словообразовательный анализ феминитивов, функционирующих в исследуемых языках показал следующее:

наиболее продуктивной и частотной феминитивной словообразовательной единицей в словацком языке является суффикс «**-k(a)**», менее продуктивной является суффикс «**-yňa**». Наряду с указанными суффиксами употребляются также суффикс «**-iná**», окончание «**-a**», присоединяемое к маскулинитивным формам, а также окончание «**-ová**», использующееся в словацком языке для образования женских фамилий;

наиболее продуктивной феминитивной словообразовательной единицей в польском языке является суффикс «**-k(a)**», менее продуктивной – суффикс «**-owa**», посредством которого образуются имена притяжательные в форме женского рода, характеризующие женщину «через» её мужа. При образовании феминитивов используется также суффикс «**-ini**» («**-yni**»), однако сфера его применения крайне ограничена: с его помощью образуются редко употребляющиеся дериваты от сущ. на «**-са**». К феминитивным

словообразовательным единицам относится также суффикс «-ica», использующийся для образования названий животных женского рода.

Список использованных источников

1. „Poradnik Językowy” 1930, nr 8, s. 106-110.
2. „Poradnik Językowy” 1932, nr 5, s. 91-92.
3. Buttler, D. Kultura języka polskiego. Tom II. / Danuta Buttler, Halina Kurkowska, Halina Satkiewicz. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN SA, 1982. – 466 s.
4. culture.gov.sk [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.culture.gov.sk/sutaz-preco-mam-rad-slovencinu-c5.html> – Дата доступа: 14.04.2021
5. Cviková J. a kol. Ako používať rodovo vyvážený jazyk: možnosti, otázky, príklady / J. Cviková [ed.] – Bratislava: Centrum vzdelávania MPSVR SR, 2014. – 40s.
6. Cviková J. a kol. Analýza významu a možností používania rodovo vyváženého jazyka. / J. Cviková [ed.] – Bratislava: Centrum vzdelávania MPSVR SR, 2014. – 183s.
7. Ewa: pismo tygodniowe / red. Paulina Appenzlakowa – Warszawa : P. Appenzlakowa i R. Iza Wagmanowa, 1928-1933.
8. Filadelfilová J. Učiteľské povolanie. Aspekty rodovej rovnosti v škole. / J. Filadelfilová. – Dunajská Streda: ASPEKT, 2008. – 152 s.
9. Głos Kobiet: organ Polskiej Partii Socjalno-Demokratycznej: pismo poświęcone sprawom organizacji kobiet pracujących... / red. Dora Kłuszyńska – Kraków ; Bogumin : Wydawczyni Dora Kłuszyńska, 1908-1914.
10. Jespersen, Otto. Language, its nature, development and origin / O. Jespersen – London: G. Allen & Unwin, 1922. – 448 p.
11. Język Polski. 1931, nr 1.
12. juls.savba.sk [Электронный ресурс] Адрес доступа: http://juls.savba.sk/attachments/Archiv_aktualit/stanovisko.pdf – Дата доступа: 16.05.2020
13. Klemensiewicz Zenon, 1957, Tytuły i nazwy zawodowe kobiet w świetle teorii i praktyki, „Język Polski”, nr XXXVII.
14. Kobieta Współczesna: ilustrowany tygodnik społeczno-literacki / red. Wanda Pełczyńska – Warszawa : Emilja Grocholska, 1927-1934.
15. Kondracka Mariola. Kobiety na uniwersytetach, [w:] A. Żarnowska, A. Szwarz, red., Rywne prawa i nierywne szanse. Kobiety w Polsce międzywojennej, Wydawnictwo DiG, Warszawa, 2000. – 352 s.
16. Maunthner, 1921 - Maunthner, Fritz. Beiträge zu einer Kritik der Sprache. Band 1 (Zur Sprache und Psychologie), 3. Auflage, Stuttgart und Berlin, 1921 (zuerst 1913).
17. mojasvadba.sk [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://mojasvadba.zoznam.sk/forum/zivot-po-svadbe/priezvisko-po-svadbe-bez-ovada-sa-to/?page=16> – Дата доступа: 20.05.2021

18. Nowe Słowo : dwutygodnik społeczno-literacki / red. Marya Turzyna – Kraków : Marya Turzyna, 1902-1907.
19. postoj.sk [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.postoj.sk/47388/co-vymysleli-progresivci-a-progresivky> – Дата доступа: 10.04.2021
20. progresivnespolu.sk [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://progresivnespolu.sk/perch/resources/program-bod-zlomu-digital.pdf> – Дата доступа: 11.04.2021
21. rjp.pan.pl [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.rjp.pan.pl/index.php?option=com_content&view=article&id=1359:stano-wisko-rady-jzyka-polskiego-w-sprawie-eskich-form-nazw-zawodow-i-tytuow&catid=109&Itemid=58 – Дата доступа: 15.04.2021
22. rjp.pan.pl [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.rjp.pan.pl/index.php?option=com_content&view=article&id=1861:stano-wisko-rjp-w-sprawie-zenskich-form-nazw-zawodow-i-tytulow&catid=98&Itemid=58 – Дата доступа: 20.05.2021
23. sme.sk [Электронный ресурс] Адрес доступа: <https://www.sme.sk/c/4351901/zensky-rod-zmluvu-zastavil.html> – Дата доступа: 01.11.2020
24. Źmigrodzki, Piotr. Wielki słownik języka polskiego / red. P. Źmigrodzki – Instytut Języka Polskiego PAN – Kraków, 2007 – 264 s.
25. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: АО «Норинт», 2000. – 1288 с.
26. Ефремова, Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т.: ок. 160 000 слов / Т.Ф. Ефремова. – М.: АСТ: Астрель, 2006.
27. Кирилина А.В. Гендер: Лингвистические аспекты. – М.: Институт социологии РАН, 1999 – 189 с.
28. Коллар Д. Словацко-русский словарь /Д. Коллар и др. // М.: «Русский язык», 1976. – 768 с.
29. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. — 683 с.
30. Пушкарева, 1999 - Пушкарева Н.Л. Гендерные исследования: рождение становление, методы и перспективы в системе исторических наук // Женщина. Гендер. Культура.- М., 1999.- С. 15-34.
31. Ушакин С.А. Поле пола // Женщина. Гендер. Культура. – М., 1999. – С. 35-45.
32. Шахмайкин А. М. Проблема лингвистического статуса категории рода // Актуальные проблемы современной русистики. Диахрония и синхрония. – М.: МГУ, 1996.

Приложения

Прил. 1

Феминитивы в словацком языке

Словацкий язык	Русский язык
expertka	«эксперт» в ф. ж. р.
jednotkárka	отличница
lekárka	«доктор» в ф. ж. р.
občianka	гражданка
odborníčka	специалистка
organizátorka	«организатор» в ф. ж. р.
poetka	поэтесса
politička	«политик» в ф. ж. р.
porotkyňa	«член жюри» в ф. ж. р.
pracovníčka	работница
právnička	адвокатесса
progresívka	прогрессивная женщина
psychologička	«психолог» в ф. ж. р.
riaditeľka	руководительница
riaditeľka	директриса
slovenčinárka	словакистка
sponzorka	«спонсор» в ф. ж. р.
študentka	студентка
sudkyňa	«судья» в ф. ж. р.
technička	«техник» в ф. ж. р.
trojkárka	троечница
učiteľka	учительница
úradníčka	чиновница
vedkýňa	«ученый» в ф. ж. р.
vodička	водительница
vychovávateľka	воспитательница
zamestnankyňa	сотрудница
zástupkyňa	заместительница
žiačka	ученица

Феминитивы в польском языке

Польский язык	Русский язык
*dowcipnisia	шутница
*drugoklasistka	второклассница
*eksternistka	*экстернистка
*flisaczka	«плотовщик» в ф. ж. р.
*psycholożka	«психолог» в ф. ж. р.
Angielka	англичанка
architektka	«архитектор» в ф. ж. р.
artystka	артистка
asani	сударыня
bandoska	батрачка
bezecnica	негодяйка
biedaczka	беднячка
bieliżniarka	белошвейка
brakownicza	браковщица
bratanica	племянница (дочь брата)
brzydula	дурнушка
bywalska	«завсегдатай» в ф. ж. р.
chlebobawczyni	благотворительница
chłopka	крестьянка
chrześniaczka	крестница
cudzoziemka	иностранка
docentka	«доцент» в ф. ж. р.
doktorka	«доктор» в ф. ж. р.
donosicielka	доносчица
dozorczyini	надзирательница
dróżniczka	«дорожный мастер» в ф. ж. р.
drużka	подруга невесты
dyplomatka	«дипломат» в ф. ж. р.
działaczka	деятельница
dziedziczka	наследница
farmaceutka	«фармацевт» в ф. ж. р.
Francuzka	француженка
garbuska	горбунья
Greczynka	гречанка
grubianka	грубиянка
gruźliczka	туберкулезница

grymaśnica	«каприза, привереда» в ф. ж. р.
habilitowana	«доктор наук» в ф. ж. р.
inżynierowa	жена инженера
Japonka	японка
kowalka	«кузнец» в ф. ж. р.
Krakowianka	краковчанка
krakowianka	краковчанка
krawczyńni	портниха
kucharka	повариха
Litwinka	литовка
mecenasica	меценатка
ministra	«премьер-министр» в ф. ж. р.
nauczycielka	учительница
nędnica	негодяйка
Niemka	немка
obywatelka	гражданка
ochmistrzyni	гувернантка
paryżanka	парижанка
pasterka	пастушка
Polka	полька (обозначение женщины польской народности)
pomocniczka	помощница
posiadaczka	собственница, владелица
posłanka	«посол» в ф. ж. р.
profesorka	«профессор» в ф. ж. р.
przewodnicząca	председательница
przyjaciółka	приятельница
senatorka	«сенатор» в ф. ж. р.
służąca	служашая
socjolożka	«социолог» в ф. ж. р.
stryjenka	тетя (сестра отца)
studentka	студентка
szefka	шефиня
szkodnica	проказница
szlachcianka	шляхтянка
Ślązaczka	силезска
wiedenka	венка
wietrznica	легкомысленная девушка
zarządczyni	управляющая
żydówka	еврейка